

ЛУП ЖАНОИЛО

**БЕРЕГ
ЧЕРНОГО
ДЕРЕВА**

Фото: А. Смирнов

Annotation

Книга познакомит читателя с нравами и обычаями экваториальной Африки и Полинезии.

- [ЛУИ ЖАКОЛИО](#)
  -
  - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
    -
    - [ГЛАВА I](#)
    - [ГЛАВА II](#)
    - [ГЛАВА III](#)
    - [ГЛАВА IV](#)
  - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
    -
    - [ГЛАВА I](#)
    - [ГЛАВА II](#)
    - [ГЛАВА III](#)
  - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
    -
    - [ГЛАВА I](#)
    - [ГЛАВА II](#)
    - [ГЛАВА III](#)
    - [ГЛАВА IV](#)
    - [ГЛАВА V](#)
  - [ЭПИЛОГ](#)

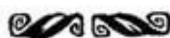

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

ЛУИ ЖАКОЛИО

БЕРЕГ СЛОНОВОЙ КОСТИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛЕСА КОНГО

ГЛАВА I

Верхний Конго. - Ночь тревоги

Ив Лаеннек сказал: „Господа, трапеза наша кончена, скоро солнце закатится, и с первыми тенями ночи, голодные звери займут берега реки. Пора возвратиться к нашей лодке". Тот, кто произнес эти слова, был человек во всей силе возраста, высокого роста, сухощавый и великолепного сложения; он обладал всеми физическими качествами, необходимыми для европейца, который хочет жить под знойным климатом африканского экватора. Дезертир с военного французского корабля, вследствие мятежного поступка, в котором дело шло о его жизни, он углубился во внутренние области Африки и прошел ее всю в десять лет, то живя при дворе королей негров, то формируя по-европейски войска, то углубляясь в пустыни девственного леса, где борьба с гориллами и тиграми, большие охоты за антилопами и бегемотами давали всегда новую пищу его неутомимой деятельности.

Во всех его экскурсиях за ним следовала молодая негритянка Буана, которая спасла ему жизнь в Сан-Паоло-де-Лоанда, невольник Кунье, полученный им в подарок от короля Гобби в Верхнем Конго и собака английской породы, дог, которая в своем широком ошейнике с железными остриями не боялась тягаться с пантерами и тиграми.

Эту собаку звали Уале.

От озера Куффуа до берегов Казансы и Банкоры эту маленькую группу знали и уважали все туземные племена, которым бывший моряк внушал суеверный страх.

В ту минуту, когда начинается этот рассказ, караван увеличился двумя новыми действующими лицами, в которых Лаеннек, в свою последнюю поездку ко двору короля Гобби, узнал своих соотечественников и которых обязался, спасая их от жестокого рабства, отвезти в ближайшую гавань.

Этот последний подвиг чуть не поссорил его с королем-негром, который дорожил белыми невольниками, но как всегда таинственное обаяние Ива Лаеннека одержало верх.

В Биге, Бенгуэле, Пукангаме, близ экватора, на протяжении девятисот или тысячи миль, Лаеннека знали под именем Момту-Самбу, человека

неуязвимого, и Момту-Мамани, человека пустыни.

То, что рассказывали о нем по вечерам в деревнях, превосходило самые баснословные легенды, и молодые негритянки, пугавшие его именем своих малюток, как только упомянут о нем, так сейчас и взглянут на дверь своей хижины, как будто сами боятся увидеть его.

Те двое людей, которых Лаеннек вырвал из когтей властелина Куанго, были захвачены в плен при весьма необычайных обстоятельствах; оба они принадлежали к числу служащих, один - колониальной администрации, а другой - в морской пехоте колониальных войск. Оба они пустились в путь из Бордо, где сели на небольшое купеческое судно „Оса“, находившееся под командой капитана Ле Ноэля, которое должно было доставить их в Габон, вместе с двумя другими товарищами - лекарем Жилиасом и помощником морского комиссара, по фамилии Тука. Но когда они уже почти достигли места своего назначения, судно их, преследуемое английским крейсером, которому его вид почему-то показался подозрительным, было вынуждено выказать себя в настоящем своем виде... Это каботажное судно Африканского побережья, столь миролюбивого и безобидного вида, оказывается, было невольничим судном.

После целого ряда самых неожиданных перипетий [1], капитан подозрительного судна пристал, наконец, к берегу Бенгуэлы, уйдя от английских крейсеров и, чтобы избавиться от нежелательных свидетелей, мешавших его торговым операциям, выдал обоих молодых людей королю Гобби, своему постоянному поставщику, а остальных своих пассажиров, которые оказались сговорчивее, оставил у себя на судне: одного в качестве врача, а другого - в качестве делопроизводителя. Он соблазнил их заманчивым обещанием известной доли барыша своего нечистого дела, и оба эти господина, которые и до того не раз участвовали в разных неблаговидных делишках, поломались ровно настолько, чтобы можно было подумать, что они уступили насилию.

Лаеннек нашел молодых людей при дворе властелина Верхнего Конго и, освободив их, намеревался препроводить сухим путем в Габон, место их назначения. Чиновника звали Гиллуа, а офицера - Барте.

Предприятие это было не из легких, но нашим путешественникам не было выбора. Путь этот представлял невероятные трудности, тем более что тогда было как раз дождливое время года, и все долины Нижнего Конго на протяжении свыше пятисот миль были залиты водой, представляя собою сплошное необозримое болото, в которое не мог безнаказанно отважиться проникнуть ни один европеец.

Даже девственные леса были затоплены водой, и в этой зловонной тине кишили в огромном количестве гиппопотамы, крокодилы, змеи и разные гады, затруднявшие еще более и без того невероятно трудный путь сквозь сплошную сеть лиан и отравлявшие до последней степени крайне вредный и зараженный всевозможными болезненными миазмами воздух этих лесов.

После основательного совещания, на котором мнение двух негров и Лаеннека естественно взяло перевес над мнением Барте, намеревавшегося было следовать по течению Конго до Малимбы и затем подняться вверх до Габона на первом появившемся судне, которое будет туда отправляться. Но несмотря на то, что речной путь был прямее, пришлось от него отказаться, и было решено покинуть судно при слиянии Конго с рекою Банкора и идти в глубь страны.

Негр Кунье, который в детстве исходил все страны со своим отцом, погонщиком невольников, утверждал, что, следуя вверх по течению Банкоры до Маконгамы и затем по прямой линии в направлении озера Замба, они должны будут встретить на пути целый ряд достаточно возвышенных плато, поросших густыми лесами, через которые, однако, пролегают тропы, проложенные невольничими караванами или же караванами туземцев, отправлявшихся в поиски за гвинейскими пальмами, из которых добывается драгоценное растительное масло, являющееся самым важным предметом торговли Центральной Африки. Таким образом являлась возможность пройти там, где проходили эти караваны.

Правда, в этих громадных пустынях путешественники рисковали встретить таких страшных врагов, как гориллы, дикие слоны, громадные и безгривые экваториальные львы, пантеры, леопарды и столь опасные африканские тигровые кошки, свирепые, коварные и сильные, нападающие всегда исподтишка и невзначай. Но ведь все эти враги человека обитают точно также по берегам Конго; зато здесь было то преимущество, что путешественники избегали болот и страшных злокачественных лихорадок, распространяемых испарениями реки.

Гиллуа, упомянув о печальной участи экспедиции Токкая, все члены которой погибли один за другим в течение нескольких дней на берегах Нижнего Конго, а также о всех попытках подняться до истоков этой реки, предпринятых до сих пор и оставшихся бесплодными по той же причине, окончательно разбил последние возражения Барте, который вынужден был сознаться, что та же участь грозит и им, в том случае, если они достигнут берегов Нижнего Конго, а потому, без сомнения, лучше было подняться к экватору и попытаться пройти сухим путем по плоскогорьям.

Не переставая совещаться, все усаживались в маленький туземный членок, род пироги, выдолбленный из древесного ствола, который наши путешественники покинули с полчаса тому назад, чтобы наскоро приготовить себе ужин. Кунье собирался уже оттолкнуть лодку от берега, как Лаеннек остановил его, напомнив, что нет еще Уале.

Человек пустыни, как называли его африканцы, свистнул; в ответ послышался собачий лай, и несколько минут спустя, громадное животное появилось в высокой траве, с окровавленной пастью и держа в зубах обглоданную кость. Одним прыжком очутилась собака в лод-ке, которая покачнулась от ее тяжести, и ворча легла у ног своего хозяина.

— Ну, Уале, — сказал Лаеннек, лаская ее, — кажется, охота была удачна сегодня?

Собака опять глухо заворчала.

— Она, должно быть, встретила зеленого сенона, обезьяну, до которой она очень лакома, — продолжал Лаеннек, как бы объясняя своим товарищам странные ухватки Уале.

— Вы разве всегда предоставляете вашей собаке самой искать себе пищу? — спросил Барте.

— Когда мы останавливаемся в деревнях, она питается около нас, и Буана приготовляет ей кашу из проса с кислым молоком, которую Уале очень любит. Но когда мы путешествуем, собака должна сама добывать себе пищу; я это делаю не без цели: привычка воевать с дикими зверями, чтобы прокормить себя, делает

Уале до того свирепым, что он не боится ни зверей, ни людей и будет защищать нас и против льва, и против кумиров.

— Это что такое?

— Кумирами называют негров, прогнанных из всех деревень за какие-нибудь преступления; они собираются бандами и грабят караваны, нападают на искателей пальмового масла, которые заблудятся; словом, разбойничают в лесах, и могу уверить вас, что Уале питает особую ненависть к людям этого рода.

— Неужели вы думаете, что мы можем встретить этих кумиров на дороге?

— Их самих нам опасаться нечего, это раса шакалов, которую я презираю, и потом, они меня знают очень хорошо и не решатся попасться мне навстречу, но они могут поднять против нас какое-нибудь племя дикарей, и тогда...

Лаеннек кончил свою фразу движением головы по своей привычке.

— И тогда? — спросил Барте.

— Мы будем принуждены взяться за карабины, и вы увидите, что и Уале сделает свое дело; он известен так же, как и я, на берегах Конго; а во всех негритянских деревнях мою собаку называют Соле Явуда, чертова собака; Уале уже спасал мне жизнь раз двенадцать.

— Он очень опасен?

— Посмотрите на его необыкновенный рост, сильные мускулы, воловью шею, голову, круглую как шар, глаза, налитые кровью, широкий нос и острые клыки, и скажите мне — не нарочно ли создана эта собака для того, чтобы нападать на врагов; я уже вам сказал, что в своем ошейнике с железными остриями она не боится льва.

— Я никогда не видел такой собаки, — сказал Гиллуа, который, оставаясь в задумчивости до сих пор, вмешался теперь в разговор, — это, должно быть, один из последних потомков той породы собак, обладая которыми древние сражались с тиграми.

— Я не знаю происхождения Уале, — продолжал бывший моряк, — его мне дали щенком португальские торговцы невольниками, которым я оказал услугу. В обычное время это самое кроткое животное, оно позволит ребенку теребить его, но когда мы странствуем, горе бродягам и всем злоумышленникам! Человек никогда не освобождался из ее когтей живым.

Во время этого разговора Кунье, ждавший сигнала к отъезду, небрежно поднял кость, которую собака уронила на дно лодки, и хотел бросить ее в реку, но вдруг подал кость Лаеннеку.

— Что такое? — спросил тот.

— Узнаете вы, какого зверя растерзал Уале сегодня?

— Что мне за нужда! Бери весло, пора выбраться на середину реки, нехорошо оставаться у этих берегов, когда настанет ночь.

— Господин, — продолжал негр, — это кость человечья.

При этих словах Гиллуа и Барте задрожали от ужаса.

— Кость человечья, — сказал тихим голосом начальник маленького каравана, — когда так, пора отсюда убираться; опасность ближе к нам, нежели я думал, потому что Уале никогда не нападает попустому...

Лодка отчалила от берега и быстро выдвинулась на середину реки.

Настала ночь... Одна из тех безлунных ночей на экваторе, которые не позволяют даже самому зоркому глазу различить малейший предмет. Каждый путешественник занял свое обычное место: Лаеннек у руля, молодые люди на середине лодки, а Буана и ее товарищ на носу, поочередно гребли, сменяясь каждый час.

Под влиянием волнения, вызванного загадкой Кунье и словами Лаеннека, никто не прерывал молчания, по-следовавшего за отъездом, и

странник во африканским пустыням, которому следовало бы успокоить, объяснив свою мысль, всеобщие опасения, возбужденные им, казался погружен в себя до такой степени, что не заботился о движении пироги.

— Он разговаривает с духами своих предков, — сказала Буана на ухо Барте, — не будем ему мешать, — и молодая негритянка тихо встала, взяла машинально весло, оставленное ее господином, и через несколько секунд подвела лодку к песчаной отмели, которую ее рысы глаза приметили среди реки.

Прекращение движения мало-помалу заставило опомниться Лаеннека.

— Где мы? — спросил он, удивляясь, что не качается на волнах.

— За четверть мили от нашей вечерней стоянки, — ответила Буана.

— Зачем ты остановила пирогу?

— Она не должна идти, когда господин советуется со своими мыслями.

— Она, пожалуй, права, — сказал Лаеннек, говоря сам с собой, — благоразумнее ждать... на восходе солнца мы будем знать, в чем дело. Извините меня, господа, — обратился он к молодым людям, — что я забыл вас на несколько минут, но жизнь, которую я веду много лет уже в этих опасных странах, принудила меня, во всех важных случаях, так сказать, держать совет с самим собою, а привычка к одиночеству заставляет меня иногда не обращать внимания на то, что меня окружает. Вы должны понять меня; поставленный часто лицом к лицу с непредвиденной опасностью, принужденный быстро решать, я должен совещаться с собой, обдумать все средства, взвесить все, потому что в конце этой цепи мыслей встает роковой вопрос о жизни или смерти.

— Вам нечего извиняться, любезный руководитель, — перебил Гиллуа, — мы здесь находимся под вашим начальством и понимаем очень хорошо, что среди окружающих нас опасностей мы можем ожидать нашего спасения только от слепого повиновения всему, что вы решите. Едва прошли сутки, как вы вырвали нас из когтей Гобби, и мы еще не забыли данную нами клятву считать вас нашим начальником до того счастливого дня, когда увидим берега Атлантического океана.

— Благодарю, господа, за ваше доверие к такому искателю приключений как я, и клянусь вам, что это доверие не будет обмануто.

Вместо ответа Гиллуа и Барте протянули руки Лаеннеку, он горячо пожал их, и не будь темноты, молодые люди могли бы увидеть слезу на бронзовом лице дезертира.

Он быстро оправился и после вздоха, вырванного каким-то горестным воспоминанием, продолжал излагать твердым голосом своим спутникам

характер размышлений, так сильно его занимавших.

— Я всегда замечал, что в пустыне и девственных лесах никогда не надо пропускать происшествия, как бы ни было оно ничтожно, не отдав себе в нем отчета; малейшие события имеют важное значение и почти всегда служат предостережением, тайну которого надо разгадать, если не хочешь не сегодня завтра оставить свои кости в каком-нибудь углу зарослей или леса. Перейдем к делу. Неоспоримо, что Уале загрыз сегодня человека, которого нашел в кустах, и вы поймете, что это происшествие имеет для меня исключительную важность, когда узнаете, что, с одной стороны, моя собака никогда не нападает сама, если я не подстрекну ее, а с другой, - что места, проезжаемые нами, совершенно необитаемы.

— Уверены ли вы, - перебил Барте, - что, когда вы добились сегодня утром от Гобби, чтобы он перестал нас преследовать, он через несколько минут не раскаялся в своем поступке и не послал сухим путем кого-нибудь из своих воинов расставить нам засаду?

— Вы забываете, какое влияние я имею на людей его свиты; могу вас уверить, что ни один из них не осмелился взять это на себя. А если это не солдат Гобби, то с каким же человеком имел Уале дело? В этих местах может находиться только какой-нибудь негр, заблудившийся, отыскивая пальмовое масло, но это предположение кажется мне невероятным; я уверен, что собака прошла бы мимо бедняги, не сделав ему никакого вреда. Спросите у Кунье, он здешний, слышал ли он когда-нибудь, что эти леса обитаемы?

— Здесь живут только львы и большие змеи, - отозвался негр на слова своего господина.

Лаеннек продолжал:

— Вы видите, вся эта часть реки на протяжении пятисот или шестисот миль окружена лесами и болотами, вот почему мы не можем странствовать сухим путем до того места, где Банкора впадает в Конго. И чем более я думаю, тем менее могу объяснить себе это необыкновенное приключение. Уале непременно встретил врага... но какого?

— Не думаете ли вы, - отважился заметить Гиллуа, - что мы теряем здесь очень драгоценные минуты, и что предпочтительнее было бы поскорее увеличить расстояние между нами и...

— Ваша юная голова еще неопытна, - кротко перебил Лаеннек, - в этих ужасных странах никогда не теряешь времени, когда стараешься избавиться от опасности. Подумайте, что мы можем делать только семь или восемь миль в день на пироге, а те, которые захотели бы нас преследовать, следя по берегу реки, опередили бы нас очень легко; вспомните, что Гобби нагнал

нас на другой день нашего отъезда. Следовательно, мы должны двигаться осторожно: медленность в пустыне полезнее необдуманной быстроты.

— Прошу вас не принять в дурную сторону мое замечание, любезный Лаеннек, оно не имело другой цели, как спросить вашего мнения. Еще одно слово, если вы позволите.

— Я слушаю вас, господа, мы можем целую ночь держать совет.

— Если сухой путь быстрее для тех, кто захотел бы нас преследовать, то почему бы и нам не сделать того же?

— Потому что вы не перенесете путешествия двое суток кряду в подобном климате, и наверно, прежде чем дошли бы до берегов Банкоры, умерли бы от кровавого поноса, этой страшной болезни тропиков, от лесной лихорадки, которая действует сильнее при усталости, или от солнечного удара.

— А вы? - вмешался Барте.

— О! Я - другое дело: я теперь истый африканец, и путешествуй я только с моими двумя неграми, мы в две недели были бы у слияния Конго и Банкоры.

— И вы уверены, что мы не смогли бы следовать за вами?

— Положительно, господа, и это вопрос не самолюбия, а привычки к климату... Возвращаюсь к моим рассуждениям и говорю, что было бы чрезвычайно неблагоразумно продолжать наш путь, не разузнав, с кем встретился Уале. Поэтому я нахожу, что Буана и ее товарищ, с инстинктом своей расы, хорошо сделали, что подвели лодку к этой песчаной мели; они поняли, что мы не должны удаляться после сегодняшнего приключения.

В ту же минуту, как бы оправдывая предчувствия Лаеннека, блеснул на левом берегу реки огонь, почти в том самом месте, которое путешественники оставили.

Очевидно, положение осложнялось; бывший моряк вздрогнул и, не говоря ни слова, протянул руку по направлению к странному сигналу, который увеличил таинственность их положения.

В продолжение нескольких минут маленький караван рассматривал среди глубочайшего молчания пламя, которое, постепенно увеличиваясь, скоро осветило реку на протяжении двухсот метров.

Среди всеобщего беспокойства Лаеннек первый возвратил себе обычное хладнокровие.

— Я не думал, - шепнул он на ухо своим спутникам, - что мы будем вынуждены действовать так скоро... очевидно, нас преследуют, но кто? Если Уале загрыз негра какого-нибудь племени кумиров или искателей масла, мы отделаемся, заплатив обыкновенную пеню за смерть человека, но

если он принадлежал к какому-нибудь воинственному отряду охотников за невольниками, надо осторегаться, потому что законодательство в этих странах еще находится в первобытном состоянии: око за око и зуб за зуб. Дай Бог, чтобы не осуществилось это последнее предположение.

— Вы говорите, что мы будем действовать, — спросили молодые люди, — но что же мы можем сделать при подобных обстоятельствах?

— Положитесь на Кунье и на меня, господа; пока опасность представляется как скрытая угроза, я невольно не могу не чувствовать нервного беспокойства, но очутившись в присутствии факта, я прямо иду к нему, не колеблясь, но и не оставляя предосторожностей, требуемых благоразумием.

— Что же вы намерены делать?

— Мы пустим пирогу на воду и вернемся к берегу, от которого отъехали, но напротив этой отмели; мы так далеко, что ни одно из наших движений не может быть замечено. Вы останетесь в лодке, которую Буана искусно спрячет между корнепусков, и пока вы будете нас ждать с карабином в руке, мы с Кунье отправимся ползком в высокой траве по берегу узнать, с кем мы имеем дело. Что бы вы ни услыхали, не стреляйте, никого не надо привлекать к лодке, она наше единственное спасение; если опасность приблизится к нам, вы должны положиться на инстинкт Буаны и немедленно выехать на середину реки... Если мы не вернемся в ночь, не беспокойтесь о нас, мы привыкли к этой жизни зasad и неожиданных нападений... Если не услышите ничего больше от нас, потому что предвидеть надо все в этом kraю, где, по негритянской поговорке, *смерть прячется под каждой травинкой*, вы положитесь во всем на молодую негритянку, которая проводит вас так же хорошо как и я к берегам Банкоры, где вы подождете случая отправиться дальше.

— Мы не можем согласиться, — сказал Барте решительным тоном, — и если вы подвергаете опасности вашу жизнь для нас, справедливость требует, чтобы мы в свою очередь...

— Я требую от вас полного повиновения, в котором вы мне поклялись, — перебил Лаеннек с важным видом, — я знаю все, что вы мне скажете, и не сомневаюсь в вашем мужестве, но вы не можете отправиться с нами; разве вы привыкли к зарослям? Как вы проскользнете без шума в высокой траве? Сумеете вы оставаться по целым часам, спрятавшись в нескольких шагах от вашего врага, не возбуждая его внимания? Вы заставите убить нас всех без всякой пользы... Я подвергаю опасности мою жизнь, говорите вы, но я делаю это каждый день десять лет, и вы видите, что до сих пор я умел защитить ее. Для пользы всех нас я требую, чтобы вы остались в лодке. Не

опасайтесь, не будет недостатка в случаях выказать вашу дружбу.

Через десять минут легкая лодочка подошла к тростникам, и Лаеннек со своим негром, вооруженный с ног до головы, без шума проскользнул в лес.

Уале, хорошо выдрессированный для этих экспедиций, замыкал шествие, ожидая, чтобы сигнал хозяина вызвал его вперед.

Только что высокая трава закрылась за ними, как Гиллуа и Барте напрасно прислушивались: никакой шум не достигал до них.

Огонь все сиял также ярко, бросая красноватый отблеск на берег и листья больших деревьев, и ничто не нарушало ночной тишины, кроме легкого шума воды около берега и криков хищных зверей, которые время от времени раздавались вдали звучно и протяжно...

Часы проходили медленно и однообразно, не внося никакой перемены в положение путешественников, оставшихся в лодке. Незадолго до рассвета таинственное пламя мало-помалу угасло, и когда взошло солнце, облив пурпуром и золотом воды Конго и вершины леса Лаеннек и его два спутника еще не вернулись.

ГЛАВА II

Борьба. - Страшный пир

Беспокойство молодых людей дошло до крайней степени, и, только вспоминая последние слова Лаеннека, они сдерживали свое нетерпение. Им хотелось бы броситься в лес и отыскивать ушедших.

С того места, где они находились в густоте тростника и корнепусков, они могли следить только за течением реки в самом ограниченном районе, так как высокая трава на берегу и ветви деревьев, составлявшие аркаду над головой, представляли собой лиственную занавесь, за которую их глаза не могли проникнуть.

Когда они спросили Буану, молодая негритянка отвечала им самоуверенно и улыбаясь:

— Господин бодрствует, он придет, я всю ночь слышала его сигнал.

— Сигнал! - сказал Барте вне себя от изумления.

— Да, белый человек разве не слыхал криков тано ночью?

— Как! Этого зловещего пения могильщика... (род ночной птицы, отрывающей трупы).

— Кунье и господин подражали ей по очереди, чтобы показать нам, что все идет хорошо.

— Зачем ты не предупредила нас?

— Два белых человека разговаривали между собой, они ни о чем не спрашивали Буану, и она думала, что господин научил их лесному языку.

— Итак, ты думаешь, что он скоро к нам придет.

— Да, потому что уже более часа как я...

В эту минуту слова замерли на губах молодой негритянки, послышался жалобный крик, но так слабо и так далеко, что только тонкий слух Буаны мог услыхать его.

— Что там такое? - спросил Барте, удивленный этим внезапным молчанием.

— Послушайте! Тано говорит.

Два звука пронеслись по пространству, на этот раз несколько громче, но второй крик еще не затих, как молодая негритянка бросилась с необыкновенной быстротой к веслу и оттолкнула лодку на шесть метров от

берега.

— К карабинам, к карабинам! - вскричала она. Молодые люди схватились за оружие.

Было пора! Дикий вой раздался на берегу, и негр, бросившись в реку с копьем в руке, уцепился за пирогу. С быстротою молнии Буана схватила топор, которым Кунье резал лиану и хворост, и раскроила череп негру, который упал и оросил воду своей кровью. Второй негр бросился вслед за своим товарищем, но прежде чем успел подоспеть к нему на помощь, он был убит карабином Барте. Гиллуа приготовлялся оказать такой же прием третьему негру, но негритянка, после своего подвига, сильно гребла, и негры, оставшиеся на берегу, устрашенные ли участью двух своих товарищей или рассудившие, что расстояние от пироги было теперь слишком велико для нового приступа, только усилили свои крики и бросали стрелы, падавшие в воду около беглецов.

Предупрежденная двумя криками тано, которые посвоему звуку означали „берегись", Буана спасла жизнь своим двум спутникам и себе.

Сигнал был дан Кунье.

Лодка продолжала подвигаться на середину реки, как вдруг сцена переменилась. Два выстрела из леса положили конец бессильным демонстрациям негров, из которых еще двое упали с тем, чтобы не вставать, и громкий голос Лаеннека приказывал своей собаке:

— Геп! Геп! Уале! Геп!

Собака бросилась прыжками через высокую траву, за собакой бежали ее хозяин и Кунье,

Радостные „ура", раздавшиеся с лодки, приветствовали их появление, и Гиллуа и Барте приготовились играть свою партию в начинавшейся борьбе.

Увидев новых врагов, преградивших им дорогу в лес, испуганные смертью своих товарищей, негры, потеряв голову, бросились в реку, чтобы попытаться спастись вплавь. Их было только шестеро, а когда Лаеннек и Кунье соединили свои выстрелы с выстрелами из лодки, то остались только двое.

Буана гребла так искусно, что перерезала им дорогу.

— Ни один не должен спастись, - закричал Лаеннек своим друзьям, - или мы погибли.

Тогда произошла страшная сцена.

Уале бросился в реку за неграми, один из беглецов нырнул, но собака последовала за ним под воду, и несколько минут спустя большие капли крови показались на поверхности, и потом громадная голова добра

высунулась из воды. Страшная собака, приметив последнего негра, делавшего отчаянные усилия, чтобы добраться прежде пироги до противоположного берега, решительно бросилась за ним в погоню.

Видя, что не может избегнуть своих врагов, несчастный принял испускать умоляющие крики и, переменив тактику, прямо поплыл к лодке, надеясь доплыть до нее, прежде чем его догонит собака.

Выстрел из карабина мог прекратить это страшное зрелище, но Барте и Гиллуа и не подумали об этом; стрелять в человека, который не мог им вредить, казалось им убийством, и сам Лаеннек, хотя понял, как неблагоразумно предаваться чувству сострадания, опустил рукою ружье, направленное Кунье в беглеца, и дал своей собаке сигнал остановиться.

Собака была так хорошо дрессирована, что несмотря на горячий пыл преследования, не подумала ослушаться и ворча остановилась.

В эту минуту негра принял на лодку Барте, а осторожная Буана связала ему руки за спиной веревкой из волокон растений.

Через несколько минут пирога пристала опять к берегу, и все члены маленького каравана соединились.

Кунье занял свое обыкновенное место, и три друга обменялись горячим пожатием руки.

— Вы нас спасли во второй раз, — сказал Барте, до того взволнованный, что почти не мог произносить слов.

— Не будем говорить об этом, — просто ответил Лаеннек, — мы все исполнили наш долг, только мы поддались великодушию, которое может стоить нам дорого.

— Как это?

— Если вы выпустите этого молодца, не пройдет и двух суток, как все племя сядет нам на шею. Маленькая шайка, которую мы уничтожили, только авангард фанов, переселяющихся в эту минуту к Верхнему Конго. Через два или три дня они наткнутся на Гобби, но если узнают участь своих товарищ, немедленно свернут с дороги и будут преследовать нас до тех пор, пока не отомстят нам.

— Господин, — отважился сказать Кунье умоляющим тоном, — дайте мне убить человека с красной головой.

У пленника волосы были обожжены известью.

— Мы не можем решиться на такой поступок, — немедленно сказали молодые люди. — Спасти его для того, чтобы потом холодно убить, это недостойно цивилизованных людей.

— Вы правы, господа, и мы этого не сделаем, но мне не следовало останавливать Уале, потому что Кунье говорит языком благоразумия...

Пусть будет по-вашему, господа, только я должен вас предупредить, что если мы дорожим жизнью, то должны, по крайней мере, десять дней быть наготове размозжить ему голову при малейшей попытке к побегу; по прошествии этого времени мы можем безопасно возвратить ему свободу, а теперь постараемся удалиться как можно скорее от этих берегов.

Буана и ее товарищ начали вместе грести, лодка летела по воде, и скоро за поворотом реки исчезло место, чуть не сделавшееся гибельным для беглецов. Первые минуты были посвящены взаимным объяснениям оочных событиях.

Когда Лаеннек и Кунье вышли из лодки, они направились ползком к таинственному огню, который привлек их внимание, и через четверть часа этой трудной ходьбы, во время которой они были вынуждены избегать малейшего шума, который мог поднять тревогу, они приметили на краю леса человек десять негров, наклонившихся над темным деревом и, по-видимому, державших совет.

Лаеннек отправил тогда Кунье с приказанием приблизиться к ним как можно ближе и подслушать разговор. Через два часа, во время которых Лаеннек лежал в кустах, не делая ни малейшего движения и удерживая Уале, негр вернулся рассказать своему господину, что маленькая шайка дикарей опередила на один день отряд в четыре или пять тысяч воинов фанов, которые отправились от реки Огоуе к Верхнему Конго.

Насколько Кунье, научившийся их наречию в своих экскурсиях за поисками невольников близ озера Замба, мог понять их, Уале напал на одного из их товарищей, который пошел охотиться, и они, привлеченные криками, пришли вовремя, чтобы прогнать собаку, которая, убив своего противника, изгрызла ему всю правую руку. Оказалось, что страшный дог хотел было сначала броситься на пришедших, но вдруг повернулся и побежал по направлению к реке. Без сомнения, в эту минуту, несмотря на отдаленность, собака своим тонким слухом услыхала, что ее зовет хозяин. Кунье уверял решительно, что фаны, прибыв через несколько минут потом на берег реки, заметили лодку, удалявшуюся с собакой; темнота, наступающая почти без сумерек в этих широтах, не позволила им более следовать за путешественниками, и они остановились посоветоваться, как отомстить за смерть своего товарища.

— Они решили, — сказал Кунье, кончив свой доклад, — преследовать нас до завтра, спрятившись в высокой траве берега, и напасть на нас во время одной из наших остановок, так как мы должны останавливаться, чтобы доставать пищу или отдыхать на земле. А в эту минуту они готовятся съесть остатки жертвы Уале.

Лаеннек, услышав эти последние слова, думал сначала, что его негр шутит, но скоро мог убедиться в справедливости его слов, потому что с того места, где он был спрятан, он мог присутствовать при страшном пире и убедиться, что имеет дело с людоедами...

Труп был изжарен и изрублен на его глазах, и хотя чувствительность дезертира значительно притупилась от обычных опасностей, которым он подвергался столько лет, он иногда чувствовал тошноту, когда сквозь листву, тихо волнуемые легким вечерним ветерком, он замечал тело фана, окруженное пламенем и дымом.

В этих обстоятельствах и с огнестрельным оружием, что давало преимущество его маленькому каравану, Лаеннек решился лучше сразиться на восходе солнца, чем подвергаться ежедневным засадам, в которых он и его товарищи должны были бы умереть.

План его был очень прост. Он знал, что может положиться на бдительность Буаны, и Кунье было поручено, подражая крику тано, с надлежащими изменениями, постоянно уведомлять ее. Незадолго до рассвета, убежденный, что фаны бросятся преследовать пирогу, он стал с Кунье напротив того места, где Барте и Гиллуа ждали его, чтобы иметь возможность предупредить негритянку отчалить от берега в надлежащую минуту... Он мог бы сообщить молодым людям о том, что происходит, но уверенный, что они не могут быть застигнуты неожиданно, так как он караулит, предпочел не увеличивать их беспокойства опасениями борьбы, столь новой для них. Все произошло, как он предвидел. Фаны отправились на восходе солнца, начав свое преследование. В ту минуту, когда они подошли к корнепускам, под которыми пирога была спрятана, Кунье подал Буане сигнал поскорее отчалить от берега... Остальное известно: ничто не расстроило искусного плана обитателя пустынь...

В продолжение двух дней путники сходили с лодки только для того, чтобы изжарить наскоро рыбу, которую Кунье ловил неводом, и на этот счет было только затруднение в выборе. Птицы, убиваемые на лету, дополняли их провизию, и они плыли даже ночью, ни на минуту не переставая грести. Каждый брался за весло поочередно, потому что все понимали, как важно удалиться как можно скорее от фанов.

Действительно, можно было предполагать, что фаны, растревоженные участью своего авангарда, пошлют разведчиков и вверх, и вниз по реке.

Пленник, видя, что жизнь не подвергается пока опасности, мало-помалу смягчился; он объявил Кунье, который спрашивал его, что его зовут Йомби, и даже предложил грести в свою очередь; из осторожности Лаеннек не согласился.

На третий день утром путешественники проехали около двадцати миль, несколько раз встречали большие болота, почти сливавшиеся с рекой и перерезавшие лес до самого горизонта; погоня теперь сделалась невозможна, и путешественники могли вздохнуть свободно. Лаеннек решился дать день отдохнуть своему маленькому отряду. Действительно, все до того устали, что накануне решились испытать добрую волю Йомби и дали ему грести, старательно наблюдая за всеми его движениями.

Негр принял петь какую-то странную песню своей родины и греб всю ночь, не отдохнув ни одной минуты.

Опять показался лес со своими большими тюльпанниками, баобабами, железняком, пальмами, лианами, покрытыми цветами, которые то причудливо обвивались около ветвей, то падали гирляндами в воду, и Лаеннек, выбрав песчаный берег, поднимавшийся покато до тенистой рощицы тамариндов, велел причалить сюда пирогу.

Все тотчас прыгнули на берег, чтобы насладиться заслуженным отдыхом после целого ряда таких разнообразных волнений и опасностей.

Кунье поручили тогда передать Йомби, что он может идти куда хочет, так как уже не опасались погони его соотечественников.

Бедняга нерешительно сделал несколько шагов к лесу, потом вдруг передумал, сел на берегу, и путешественники с удивлением увидели, что из его глаз катились две крупные слезы.

Самые дикие негры, взятые отдельно, когда их дурные инстинкты не подстрекаются, обнаруживают иногда ребяческую чувствительность.

— Ну, — сказал ему Кунье, служа переводчиком Лаеннеку, — разве ты не рад, что можешь возвратиться к твоим?

— Если Йомби воротится в свое племя, Йомби будет съеден.

— Отчего это?

— Оттого, что Йомби обязан был умереть, стараясь отомстить за своих братьев.

От него невозможно было добиться ничего другого, и когда его спросили, что он намерен делать, он ответил, что, будучи взят в плен, он невольник, и должен повиноваться.

— Но белые не могут взять тебя с собою.

— Стало быть, так как у Йомби нет пироги, чтобы ехать по реке, и нет оружия, чтобы идти по лесу и отыскивать себе пищу, Йомби умрет с голоду или будет съеден тиграми.

— Он прав, — вмешался Барте, — и мы не можем бросить его таким образом; позвольте мне взять на себя попечение о нем, любезный проводник.

— Тем охотнее, - ответил Лаеннек, с улыбкой смотревший на эту сцену, - что это может оказаться недурным приобретением: эти негры вообще или совсем до-бры, или совсем злы, и у них не хватает искусства долго притворяться. Я два дня наблюдаю за ним и думаю, что его можно поставить в категорию добрых. Умея управлять им, а главное, развив в нем большое уважение к себе, вы легко можете сделать из него второго Кунье.

Услышав эти слова, Кунье ответил чванно и комическим тоном, что не может быть никакого сравнения между ним и этой красной головой, которая ела человеческое мясо, и что хорошо, если его можно приручить и сделать товарищем Уале.

Эта выходка рассмешила путешественников, и Йомби решили оставить.

Рабство побежденного в центре Африки - военный закон, не оспариваемый ни одним племенем, и во многих местах тот, кто даст взять себя в плен и потеряет свою свободу, не может более вернуть ее. Поэтому понятно, что пропитанный этим предрассудком фан не хотел вернуться к своим, особенно после смерти своих товарищей. Вернувшись к своим соплеменникам, бедный Йомби был бы вынужден признаться, что белые продержали его несколько дней, и этого одного было достаточно для того, чтобы наложить на него неизгладимое пятно рабства; поэтому с истинной радостью узнал он о решении, принятом относительно его, и когда ему растолковали, что он должен повиноваться Барте, он лег возле него, поставил его правую ногу на свою голову и поклялся на своем языке ловить рыбу и охотиться для него, разводить его костер, всегда наливать в горлянку чистую воду и следовать за ним повсюду.

Менее чем через час, два негра, сделавшиеся почти друзьями, несмотря на предрассудки Кунье, и негритянка устроили лиственный шалаш для своих господ, которые после умеренного и быстрого завтрака дали отдохнуть своим утомленным членам.

Бдительные слуги принялись тогда собирать сухие ветви на ночной костер, чтобы отпугивать хищных зверей.

Ужин был великолепен, Барте и Гиллуа давно не имели такой трапезы. Он состоял из раков и рыбы, которых Кунье выловил в Конго, трех маленьких зайчиков, найденных Йомби в норе, и всякого рода плодов, которые он также принес из леса.

Но больше всего принесло удовольствие путешественникам, так давно лишенным хлеба, пять или шесть крупных фруктов хлебоплода, испеченных под золой Буаною. Это вкусное кушанье, выгодно заменяющее даже для европейцев картофель и хлеб, было также найдено фаном в его

экскурсии в лесу.

Во время приготовления пиршества все занялись по своему вкусу; Лаеннек и Барте чистили оружие и осматривали состояние снарядов, лежавших в ящике из камфорного дерева, сделанного так, чтобы не допускать сырости. Гилуа занимался своей любимой естественной историей; он осматривал каждую рыбу, которую Буана приготавляла к ужину.

Это занятие скоро внушило ему сильное сожаление, потому что он ничего не подготовил для того, чтобы сохранить любопытные сорта рыб, проходивших перед его глазами.

Особенно две породы - бишир и четырехзубец - привлекли его внимание.

По мнению Шерубини, который уже наблюдал за этой рыбой в верхнем Ниле, бишир - рыба необыкновенная по своей величине, странной форме и особенности своей организации.

Некоторые ученые считают ее существом совсем особенного рода; как киты или кашалоты, она снабжена в верхней части черепа дыхалом, выбрасывающим воду; по своей форме и коже, жесткость которой не поддается острому железу, бишир походит на пресмыкающееся. Только жаря его в печке, можно извлечь из его оболочки, как из футляра, мясо очень белое и довольно вкусное. Широкая пасть, снабженная множеством зубов, заставляет считать его плотоядным. Бишир живет в глубокой тине и по этой причине его трудно поймать. Электрический аппарат, которым он снабжен, причиняет сильное потрясение тому, кто дотронется до него.

Четырехзубец отличается той особенностью, что у него на брюхе нечто вроде пузыря, который он надувает по желанию и который позволяет ему плавать на поверхности воды.

— Какая жалость, - сказал Гиллуа, указывая Барте на этих рыб, - что мы беглецами странствуем по этим краям; все продукты ловли Кунье показывают мне, что есть необыкновенное сходство между фауной областей верхнего Нила и этих стран. Будь мы снаряжены как для экспедиции, мы вместо того, чтобы спускаться вниз по Конго, поднялись бы вверх, и я уверен, что мы, нако-нец, достигли бы тех больших озер в центре Африки, откуда вероятно вытекает Нил, Огоуе и Конго, три реки, которые, начинаясь с одних и тех же широт, разливаются в разные стороны.

— Я уверен, - ответил молодой офицер, который до страсти любил географические споры, - что если бы мы не успели разрешить эту великую проблему, которая в высшей степени занимает современную науку, то, по крайней мере, прославили бы наше имя каким-нибудь важным открытием.

Молодые люди принялись развивать целый план путешествия. Африка привлекала их как и всех, кто провел некоторое время в этой таинственной стране. Вдруг веселый голос Лаеннека прервал их разговор.

— И вы начинаете, — сказал он, — привыкать к жизни в зарослях, опасности которой только увеличивают привлекательность. Я уверен, что если вы приедете благополучно, то мы расстанемся не без сожаления, и может быть мы недолго останемся в разлуке.

— Мы об этом думаем, — ответил Барте задумчиво. — О, если бы у нас были необходимые инструменты для вычисления широт, определения пути, удобная лодка и хорошее оружие!...

— И средства сохранить удивительные образцы фауны и флоры этих стран, — продолжал Гиллуа.

— Ну, что ж тогда? — спросил Лаеннек, который выразил свое мнение в шутку.

— Мы осмотрели бы, — ответил молодой офицер со вздохом сожаления, — те плоскогорья, где три большие африканские реки берут свое начало.

— Я никогда не мог понять, господа, — сказал бывший моряк, вдруг задумавшись; — какие причины могли побуждать некоторых людей, любимых иуважаемых в своей стране, оставлять свои семейства, своих друзей, чтобы путешествовать в этих ужасных странах, где по большей части они жалко погибают, пожираемые лютыми зверями, или убитые какой-нибудь хищной ордой. Слышал я, что они едут осматривать реки и изучать растения и животных; но во всем этом нет недостатка и у нас. Растения все растут одинаково, а чтобы узнать, что одни животные едят траву и плоды, а другие мясо, — нет надобности заезжать так далеко. Разве вы думаете, что вода в Конго не такая, как в наших бретанских ручьях, а что рыбы живут здесь не так, как у нас? Негры уверяют, что все эти путешественники торгуют невольниками, осматривая страну для того, чтобы установить сношения, и я всегда думал, что они правы. Что касается меня, то без моего несчастного приключения в СанПаоло-де-Лоанда мне никогда не пришло бы в голову жить в этой дьявольской стране, и я должен вам признаться, что ваши последние слова привели меня в глубочайшее удивление.

— Любезный проводник, — ответил ему Гиллуа с улыбкой, — кроме любви к науке, которой вы, может быть, не поймете, есть закон природы, толкающий человека вперед, и часто, без его ведома, заставляющий его готовить новые области для переселения будущих поколений. Страны, по которым он ступает в продолжение столетий, нуждаются наконец в

удобрении и отдыхе, как земледельческие поля; лишая леса землю, на которой мы живем, мы осушаем наши реки, дожди становятся реже, и земля, лишенная производительных сил, становится мало-помалу песчаной и бесплодной. Таким образом, по необходимости перемещаются великие центры цивилизации; из старой Азии, в которой сосредоточивалась вся жизнь древних, мало-помалу удаляется центр культуры: мать жертвовала собой в пользу своей дочери Европы... Где теперь народы, покрывавшие Халдео-Вавилонию и большие плоскогорья Центральной Азии? После Европы придет очередь Америки, после Америки - Африки и Океании. Потом когда-нибудь земля, живущая только движением и преобразованиями, поднимет из своих вод новые материки, зальет старые, и племена, спасшиеся от этого нового потопа, будут продолжать человеческий род на новой и плодородной почве. А мы, их предки, будем им являться сквозь туман преданий, как угасшая раса гигантов. Полюсы ждут среди своих льдов, каждое столетие незаметно перемещающиеся, того часа, когда солнце возвратит им вечную весну и бесконечную растительность. В ожидании этого перерождения природы, которая разрушит свое создание, для того, чтобы помолодить его, которая двинет океан и моря на оскудевшие земли, человек продолжает свое дело и мало-помалу захватывает все обитаемые страны... Путешественники - это пионеры, приготовляющие местности, куда устаревшие нации будут впоследствии посыпать своих детей. Одни странствуют по земному шару, побуждаемые приманкой прибыли; они ищут золото, слоновую кость, черное дерево и перламутр; другие, побуждаемые благородным честолюбием прославить свое имя, изучают географические условия и произведения неизвестных стран; трети, как вы, любезный Лаеннек, брошены туда случайностью. Но как ручьи соединяются для того, чтобы составить реку, - настанет день, когда вся эта нестройная деятельность принесет свои плоды: неизвестный край созреет для цивилизации, и эмигранты устремятся по дорогам, которые проложили для них. Вы сами, не подозревая того, трудитесь деятельно для этого великого дела. Много лет показывая неграм этих стран человека другой расы, приучая их к вашим странствованиям, вы облегчаете попытки ваших преемников. Вы бессознательный Ливингстон, но это не мешает вам класть ваш камень для общего здания.

— Ах! - сказал Лаеннек, восхищенный этими словами, хотя не совсем понимая их смысл, - будь у меня только маленький, но хорошо вооруженный отряд в триста человек европейцев, я провел бы их через всю Африку.

— В таком случае, - возразил Гиллуа, - вы принесли бы более вреда, чем пользы.

— Как это?

— В странах, составляющих антипод с нашей цивилизацией, среди диких народностей, которые все-таки имеют право жить со своими обычаями и странными привычками на земле, где родились, только преданность одинокого путешественника полезна, гуманна, одна она может принести какой-нибудь результат. Один человек не может обращаться к силе в интересах своей безопасности; он вынужден уважать предрассудки, предания, верования народов, посещаемых им, и приучает их видеть в нем существо высшее, но безвредное... Первые пионеры оставляют, может быть, там жизнь, но вторые, наконец, пролагают путь, а трети - успевают поселиться... Таким образом и поступали Мунго-Парк, майор Ленг, Рене Калье, Грант и Спик, Ливингстон, Камерон и много других. Путешествуя же, напротив, с отрядами в триста или четыреста человек, вооруженных с ног до головы, вы распространите ужас на вашем пути, истребите народонаселение, хотя находящееся еще в состоянии варварства, но имеющее такое же право, как и вы, жить на своей земле и запрещать доступ к себе тем, кто приходит в таком воинственном виде. Вы не думаете ведь, чтобы во Франции позволили прогуливаться тремстам неграм, вооруженным, как на войну.

— На них выслали бы жандармский эскадрон, - перебил Барте.

— Зачем же требовать вам от боязливых и суеверных дикарей того, чего вы не можете получить от цивилизованной нации... Сплетем венки тем путешественникам, которые идут одни, это пионеры прогресса и будущности, но выкинем из рядов человечества те разбойничьи отряды под начальством авантюристов, которые под предлогом открытий, отправляются воевать в центр Африки и сжигают целые деревни за то, что они не пускают их на свои земли. Эти люди достигают только одного результата: они готовят верную смерть для всякого европейца, который захочет потом следовать по одной дороге с ними.

— Вы правы, друг мой, - продолжал молодой офицер, - толпа, восхищающаяся издали этими мнимыми учеными экскурсиями, идущими с карабином и пушкой, не знает вообще, при каких условиях делаются эти экспедиции. Нет ни одного жителя в центре Африки, который не знал бы, что все эти стада невольников, увозимых на берега уже несколько столетий, предназначаются белым людям, покупающим их, для того, чтобы заставлять работать, и надо признаться, к нашему стыду, что до самого последнего времени мы давали знать о себе неграм только как торговцы

человеческим мясом. На каждого белого негр смотрит как на врага, который похищает его у семьи, у обрабатываемых им полей, и этот-то общий страх делает столь трудным путешествия внутри африканского материка. Я слышал эти подробности от старого пионера, который объехал целый свет и уверял меня, что страх попасть в неволю - главная причина ненависти негра к европейцам. Если вы путешествуете один, - говорил он мне часто, - вас принимают за шпиона, высматривающего, много ли жителей в kraю и прибылен ли торг людьми, и тогда стараются освободиться от вас; если вы являетесь с многочисленным отрядом, все мирные, земледельческие племена бегут при вашем приближении, а если в деревне живут воины, все вооружаются и нападают на вас. Все правительства в центре Африки феодальны и имеют три касты, встречающиеся в колыбели всех народов - воинов, жрецов, крестьян.

Люди эти живут как попало, как жили европейцы в первые времена средних веков, но разве то, что они находятся еще на заре цивилизации, дает право под предлогом открытия источника Нила бродить по их стране шайками и убивать при малейшем признаке неприязненности? Рабство уничтожено на бумаге, я с этим согласен, но в действительности оно продолжает существовать; потом, разве эти люди могут легко забыть страшные войны, периодически затеваемые их царьками и феодальными владельцами с единственной целью достать себе невольников, которых они перевозят в гавани, посещаемые торговцами негров? Европа должна пенять на самою себя, на способы развращения, которые она употребляла, на постыдный торг, которым она занималась, чтобы достать работников для своих колоний, если с пятнадцатого столетия центр Африки от обоих тропиков до экватора закоснел в грабеже и в войнах. Поэтому мы не должны удивляться, если негры обращаются с нами так, как прибрежные народы Средиземного моря обращались когда-то с пиратами, которые из Алжира, Триполи и Туниса являлись похищать их жен и детей... Я согласен с вами, Гиллуа, здесь следует путешествовать только одному или втроем и вчетвером, поселиться сначала, как Ливингстон, в прибрежных деревнях и мало-помалу подвигаться внутрь только в том случае, когда слышишь вокруг себя: „Эти белые добры, они не покупают негров".

— Все, что говорите, исполнено здравого смысла, господа, - ответил Лаеннек, - и можно было бы сказать, что не первый раз путешествуете вы в этих странах; черные племена легко допускают к себе белого, как только не видят в нем торговца невольниками; но вы забыли, какое приключение случилось с нами; здесь не одни мирные племена, а воинственные касты, как вы их называете, будут уважать вас только в том случае, если вы умеете

защищаться. Справедливость требует также сказать, что на вас не нападут, если могут ничего не опасаться от вас. Но здесь есть эта таинственная раса фанов, которая в эту минуту захватила сотнями тысяч человек весь запад Южной Африки, и от этих фанов вы не должны ждать решительно ничего хорошего.

— Я это знаю, — сказал Барте, — многие путешественники упоминали об этой интересной народности, и ее происхождение составляет в эту минуту предмет одной из самых любопытных этнографических проблем, которыми занимается ученая Европа, когда мы будем в состоянии лучше понимать Йомби, мы, конечно, получим от него интересные сведения о колыбели и нравах его соотечественников.

Ужин кончился среди этого интересного разговора. Ночь быстро приближалась, Кунье и Йомби, которые должны были попеременно охранять покой своих господ, зажгли костер для отпугивания зверей.

Путешественники удалились в лиственный шалаш, где Буана подготовила им постели из сухих трав, и скоро тишина нарушилась только однообразным журчанием реки и воем шакалов, отыскивавших пищу в высокой траве... Долго, прежде чем заснули, Лаеннек и его товарищи разговаривали о своей страшной встрече. Наткнулись ли они на авангард настоящей орды, или встретили только странствующее племя?... Барте сказал правду, что вопрос о происхождении фанов составлял самую любопытную этнографическую проблему.

„У фанов страннее всего их постоянный захват западной территории, — говорит дю Шалью, который из всех путешественников, писавших о них, лучше всех наблюдал их. — Каждый год фаны приближаются к берегу. Они основывают деревни за деревнями на берегах Габона и в странах, расположенных между Габоном и Монда. Они теперь уже на расстоянии нескольких миль от Обендо. Словом, эта раса, которая кажется неугомонной и предприимчивой, гораздо сильнее, чем будемо, бишой, даже понгуе; я думаю, что мало-помалу фаны завладеют всем побережьем, по мере того, как те расы будут вырождаться. Предполагали, что эти фаны были, в сущности, джаги или джаго, захватившие когдато королевство Конго и составлявшие часть его народонаселения. Однако в последние наши путешествия в Верхний Назарет и во внутренность края, к югу от настоящего жительства фанов, я не нашел ни одного племени, которое слышало бы об этом древнем народе. Переселения же фанов совершаются так медленно, что деревни, между которыми они поселялись, непременно должны были бы сохранить о них какое-нибудь воспоминание; и, конечно, если бы это были джаго с юга, они непременно оставили бы где-нибудь

свои следы. Притом, все фаны, когда у них спрашивают, откуда они, указывают северо-восток. В какой деревне и какому человеку ни задали бы вы этот вопрос, ответ всегда одинаков. У фанов цвет лица не так черен, как у бакале, шекиани и у других окрестных племен. У них тип негритянский и волосы шерстистые. Они татуируются более всех других народов, которых я видел к северу от экватора, но еще не настолько, как некоторые южные племена. Этот обычай обезображивает мужчин менее, чем женщин, которые тщеславятся тем, что всю грудь и весь живот покрывают линиями и кругами. Щеки их также испещрены всякими рисунками, которые в соединении с громадными медными и железными кольцами, тяжесть которых оттягивает уши, придают им самую отвратительную наружность.

Эти племена - людоеды; они едят даже трупы тех, кто умер от болезни".

Тот же путешественник рассказывает в этом отношении самые странные вещи:

„Однажды я разговаривал с их королем, - говорит он, - когда фаны принесли мертвое тело, которое купили в соседней деревне и которое надо было разделить. Я заметил, что этот человек умер от какой-то болезни. Признаюсь, я не мог оставаться там, когда приготавливались его рубить. Мне сделалось дурно. Я ушел, как только эта адская сцена началась, и издали мог еще слышать как они ссорились из-за раздела.

Есть тела умерших от болезни - это утонченность людоедства, и я никогда об этом не слыхал. Я пожелал узнать, вообще ли принят этот обычай у фанов или это была только чистая прихоть. Мне ответили, что они покупают все мертвые тела племени осгебы, которые взамен покупают у них их трупы... А в своем племени они едят мертвцевов лишь из других семейств. Кроме того, фаны доставали тела невольников у биши и будемо за слоновую кость, по одному маленькому кусочку за каждый труп.

До тех пор я никак не хотел верить двум случаям, однако доказанным, но которые покажутся невозможными всякому, кто еще недостаточно знаком с этим народом. Мне рассказывали об этом в Габоне. Шайка фанов, прибывшая к берегу, украла однажды труп, только что похороненный на кладбище, изжарила его и съела. В другой раз люди того же племени похитили другой труп, перенесенный в лес, разрезали его, выкоптили и принесли его к себе.

Я видел у фанов ножи, покрытые человеческой кровью, которым они придают большую цену. Это, впрочем, негры самые красивые, каких я видел, и их страшный обычай идет им в пользу. Однако впоследствии я встретил другие племена фанов, члены которых не имели такой красивой

наружности, как эти горцы. Там, как и везде, природа оказывает, без сомнения, свое влияние. Живя в горах, они имеют смелую и гордую наружность всех горцев.

Следует заметить, что когда людоеды встречаются с племенами не каннибалами, они не выказывают своего страшного обычая, они как будто даже его стыдятся, и это подает повод надеяться, что рано или поздно относительная культурность других негров преодолеет это страшное варварство".

По словам того же путешественника, фаны очень искусны в фабрикации железа. В торговле они ищут предпочтительно белые бусы, украшение, употреблявшееся во всей этой части Африки, и сосудов из желтой или красной меди.

Железо находится в значительном количестве в стране фанов и разрабатывается на поверхности земли. Рудников не роют, а берут только то, что находится вровень с землей. Для извлечения железа они разводят громадный костер, на который наваливают большое количество истолченного булыжника; последний покрывают дровами, и потом костер зажигают. Пока он горит, в него постоянно подбрасывают дрова до тех пор, пока приметят по некоторым признакам, что железо расплавилось. Тогда дают массе остывть, и железо отлито. Чтобы сделать его ковким, они подвергают его разным операциям: греют на углях, бьют молотком - и таким образом получают железо, едва ли не высшего качества, нежели то, которое привозят им из Европы.

Для того, чтобы сделать лучше нож и арматуру стрел, они употребляют железо не американское, а свое собственное. Их копья, по большей части сделанные очень хорошо, украшены резьбой, красота которой может удивить в таком грубом народе.

Как кузнецы, они превосходят далеко все племена тех областей, которых белые не научили этому искусству. Благодаря их воинственным привычкам железо сделалось для них первой необходимостью; если их инструменты просты, то терпение велико. Кузница их помещается везде, где можно развести огонь. Они изобрели мех странного сорта: этот мех двойной и состоит из двух пустых деревянных цилиндров, обтянутых кожей, в которых сделана отдушина, приспособленная к деревянной ручке. Человек, раздувающий мех, садится на землю и очень скоро приводит в движение этот мех. Воздух прогоняется сквозь легкие деревянные цилиндры в трубы, проведенные к огню.

Их наковальная - большая железная масса, а молотки - куски того же металла, весом от трех до шести фунтов, имеющие форму усеченного

конуса. У этого молотка ручки нет, его держат за тонкий конец, а это, конечно, требует большей тряты сил. Довольно любопытно, что при всем их искусстве они не умели придумать такой простой вещи, как ручка к молотку.

Время не имеет никакой цены в глазах фанов. Старательный кузнец часто употребляет несколько дней и даже неделю на фабрикацию маленького молотка, а для военного ножа, роскошного копья или топора требуются месяцы. Легкие узоры, украшающие самые красивые оружия, все делаются рукою с помощью инструмента, довольно похожего на резец нашего скульптора. Эта работа показывает большую верность взгляда и известное художественное чутье.

Они также довольно искусно фабрикуют глиняную посуду, хотя употребляют только трубы и котлы; они делают их просто рукой, потому что им неизвестно токарное искусство.

Они носят и сохраняют воду в тыквенных бутылках или кружках из тростника, обмазанных камедью. Камедь сначала растапливается на огне, потом ею покрывают всю поверхность сосуда. Таким образом горлянка становится непроницаемою и сохраняется такою. Только ее необходимо продержать в воде две недели, чтобы лишить очень неприятного запаха камеди.

Фаны курят дикий табак, которым изобилует страна. Мясо слона - их главная пища, а слоновая кость - единственный предмет отпускной торговли, предмет чрезвычайно важный, потому что в обмен слоновой кости они достают красную или желтую медь, котлы, зеркала, кремни и бусы; все эти предметы сделались для них необходимы. Более всего они дорожат медью.

Их система земледелия очень груба. Они вырубают Деревья и кусты, чтобы сделать прогалины, жгут все, что срубили, и разводят плантации на вычищенном месте. Единственное земледельческое орудие, известное им, - это род очень тяжелого ножа, который заменяет сошник у плуга, чтобы пахать землю и вырывать ямочки, в которые садят маниок и банан.

После мяса человеческого и слонового самое любимое их кушанье - маниок, растение драгоценное, потому что дает много и питает больше банана. Его рассаживают черенками; маленькая ветвь, старательно посаженная в землю, дает два или три крепких корня, толщиной с иньям. Листья кипятят и едят; это превосходный овощ.

Кроме маниока у них есть банан, два или три сорта иньяма, великолепный сахарный тростник и тыква.

Зерна тыквы составляют их пищу; они умеют извлекать из них нечто

вроде теста, до которого они очень лакомы, и которое кажется недурным даже европейцам. В то время года, когда поспевает тыква, все деревья покрыты зернами, потому что их собирают сушить, а высушив, завертывают в листья и вешают над огнем, в дыму, чтобы сохранить от одного насекомого, которое очень лакомо до них. Процесс приготовления очень длинен. Часть зерен, очистив от скорлупы, кипятят, потом всю массу кладут в деревянную ступку, куда прибавляют некоторое количество растительного масла. Потом, сделав эту смесь, жарят на углях в глиняном сосуде или на банановом листе. Это вкусное и питательное кушанье.

Каждая семья фанов имеет такую ступку. Это нечто вроде деревянной лохани длиною в два фута, глубиною в два или три дюйма, шириной в восемь. Деревня владеет сообща громадными деревянными ступками, в которых толкуют корень маниока.

Фаны не едят и не продают трупов своих начальников, а, напротив, воздают им большие почести.

У них существует обычай, весьма любопытный, потому что он существовал у всех первых народов Азии, и, кажется, происхождения не совсем африканского: всякий неоплатный должник, всякий обвиненный в колдовстве или прелюбодеянии, каждый возмущающийся против власти начальника продается в неволю.

Как все расы, занимающиеся набегами, фаны мужественны на войне и с редким искусством стреляют из лука.

По словам дю Шалью, у которого заимствована большая часть этих любопытных подробностей, большие стрелы, которые они употребляют, покрыты железной арматурой, похожей на зубцы гарпуна; эти стрелы употребляют на охоте; они почти в два фута длины. Но другое оружие еще опаснее: бамбуковая палочка, очень тонкая, длиною в один фут и заостренная только на конце. Стрелы эти так легки, что сами вылетали бы из лука, как только их положат туда; чтобы удержать их там, лук покрывают камедью; кроме того, для той же цели длинная ручка лука раздвоена наверху, и когда сближают обе части, слетает маленькая затычка, удерживающая веревку, которая крепко натягивается и выбрасывает стрелу на большое расстояние. Эта стрела поражает смертью все живое, чего коснется, потому что стрела отравлена.

Яд в этих стрелах состоит из сока неизвестного растения. Несколько раз обмакивают острие стрел в эту жидкость, потом дают высохнуть, и тогда стрелы принимают красный цвет.

Стрелы, приготовленные таким образом, старательно сохраняют в небольшом мешочке из звериной шкуры. Неизвестно лекарство от этих ран.

Смерть наступает через несколько минут.

В военное время фаны имеют привычку втыкать в дороги, ведущие в их лагерь, очень большое количество этих стрел таким образом, что острие едва выходит из земли. Как ни легки раны, наносимые таким образом голым ногам врагов, смерть почти мгновенна.

Когда начальник бывает убит в сражении, все племя бреет себе волосы, царапает грудь, и три дня наемные плакальщицы наполняют воздух своими стенами.

Любопытно вспомнить, в каком почете этот обычай был в древности.

Фаны имеют понятие о высшем существе; но по их грубой мифологии оно занимается людьми только после их смерти, и оказывают поклонение множеству добрых и злых духов, которые, по их мнению, населяют леса, воды, пустыни, а по ночам посещают жилища.

Брачные церемонии у них грубы, но дают повод к большим увеселениям. Муж покупает себе жену. Отец, как хитрый человек, заключает с женихом наиболее выгодный торг и назначает дочери высокую цену, если видит, что жених очень прельщен.

Часто проходят годы, прежде чем муж может купить жену, потому что вещи, которые он платит за нее ее отцу, состоят из редких европейских товаров; он вынужден набрать большое количество слоновой кости и ждать, чтобы караваны пришли с берега с желаемыми вещами.

Этим объясняется храбрость охотников и неустрешимость, с какою они нападают на слонов.

Когда должна праздноваться свадьба, родители и друзья жениха и невесты несколько дней приготовляют провизию, именно, копченое мясо слона и пальмовое вино. Для этого они приглашают всех охотников, которые желают поступить к ним за жалованье, и собирают все необходимое для того, чтобы накормить толпу людей.

Как только это готово, вся деревня собирается, и без всякого другого обряда, отец, заранее получивший условленную цену, отдает свою dochь жениху в присутствии начальников и старшин.

Жених и невеста наряжаются для этой церемонии. Жених надевает на голову яркие перья, тело его намазано свежим маслом, зубы черны и гладки как эбен; большой боевой нож заткнут за пояс, а если ему посчастливилось убить тигра или леопарда, или какого-нибудь другого дикого животного, он грациозно драпируется в его шкуру.

Невеста наряжена изысканнее жениха: на ней надет только один передник. Но на руках и на ногах железные и медные браслеты, а на курчавых волосах - бусы и белые стеклышики.

Как только все собрались и невесту отдали жениху, начинается праздник, то есть оргия, и длится несколько дней.

Едят, пьют, напиваются насколько дастанет всего запасенного.

Рождение не сопровождается никакими обрядами; однако, женщины после родов, как у евреев и во всей Азии, считаются некоторое время нечистыми.

Таковы главные обычаи, самые выдающиеся черты нравов этой странной расы фанов, которые захватывают южную Африку, а наука, между тем, не может указать колыбель этой важной народности.

Рассуждая о странных нравах этой таинственной расы и об опасности, от которой они, так сказать, изба-вились только случайно, наши беглецы не могли скрыть от себя, что дорога, выбранная ими, приведет их в самое сердце многочисленных племен фанов, и когда усталость сомкнула им глаза, сон застал их среди самой серьезной озабоченности.

ГЛАВА III

Бегемоты. - Приготовления к отъезду

На восходе солнца наши путешественники были разбужены криками двух негров и Буаны с каким-то странным аккомпанементом; они выбежали из шалаша и заметили только в нескольких шагах от берега десятка два бегемотов, которые, стараясь выйти на берег в этом месте и услыхав шум, которым была встречена их попытка, решили искать другого места.

Гиллуа и Барте поспешно побежали к берегу, потому что в первый раз могли свободно рассмотреть этих колоссов экваториальных рек.

Бегемот (речная лошадь, так названная древними, которые нашли некоторое сходство между его криком и ржанием лошади) нисколько на лошадь не походит.

Племена же Центральной Африки называют бегемота бара-уаду, речным быком.

Это животное - настоящий речной царь; оно подходит по громадной толщине к слону, по длине же уступает слону и носорогу; впрочем, в некоторых странах бегемот достигает величины носорога.

Бегемот имеет около тринадцати футов длины, а иногда даже более, от конца морды до начала хвоста, пятнадцать футов в окружности и шесть с половиной в вышину; пасть его более двух футов величины. Бегемот особенно замечателен зубами, которых тридцать Шесть и четыре глазных; эти последние достигают дюймов пятнадцати длины и остры, как кабаньи клыки; каждый весит около тринадцати фунтов; кость так жестка, что удар стали может высечь из нее искру; кроме того, она замечательно яркой белизны; слоновая кость всегда желтеет со временем, поэтому зубы бегемота предпочитают слоновой кости.

Кожа бегемота черного или коричневого цвета, иногда рыжеватая, сморщенная и без шерсти, как у слона, недоступна пуле. В ней от одного до трех дюймов толщины, впрочем, на голове кожа его не так толста и приросла к костяным частям; только тут и под мышками можно смертельно ранить бегемота. Вес этого животного обыкновенной величины - от трех до четырех тысяч фунтов.

Бегемот может жить и в воде, и на вольном воздухе, эти две стихии

одинаково необходимы для его существования. Днем он находится обычно в воде реки или озера; ночью выходит есть траву, тростник и разные другие растения, как бык. Некоторые путешественники утверждают, что бегемот питается также рыбами, но ничто до сих пор не подтвердило такого наблюдения; скорее напротив, все доказывает, что это животное травоядное. За неимением трав или растений, оно ищет пищу в древесных корнях, которые перегрызает своими четырьмя глазными зубами.

Бегемоты - настоящий бич во всех земледельческих странах Центральной Африки. В одну ночь они опустошают целые плантации риса, маиса, сахарного тростника; можно себе представить сколько может съесть этот зверь, когда он голоден. У земледельцев нет другого средства против этихочных опустошений как постоянно охранять свои жатвы.

Когда он выходит из воды, достаточно криков людей, звуков тамтама и разведенного огня, чтобы принудить его отступить.

На суше он боязлив, потому что не может развивать такие, как в воде, проворство и силу. Его очень короткие ноги препятствуют быстроте бега. Поэтому он редко удаляется от тех мест, где может в случае внезапного нападения тотчас исчезнуть в воде. Он предпочитает эту стихию, потому что там может пользоваться своими преимуществами: он плавает гораздо быстрее, чем бегает. В воде основал он свое обыкновенное местопребывание, потому что там чувствует себя в безопасности. Там ему нечего опасаться никаких врагов, даже крокодила, который не может успешно бороться с чудовищем, кожа которого непроницаема, а сила ужасна. Замечено, что в тех местах, где водятся бегемоты, не бывает крокодилов.

Суда, плавающие на поверхности воды, тревожат бегемота, и часто случается, что он нападает на них как на опасного врага.

Вообще он от охотника бежит, но рана раздражает его, тогда он оборачивается и с яростью бросается на судно, на котором находится зачинщик. Схватив судно во всю ширину открытой пасти, он вонзает свои страшные зубы и благодаря необыкновенной силе своих челюстей пронзает доски насквозь, так что вода заливает его врага.

Есть несколько способов охотиться на бегемота. Эта охота требует большого числа людей на нескольких лодках, соединенных вместе. В чудовище бросают гарпун и отпускают веревку до тех пор, пока бегемот, истекая кровью, не лишится силы.

В некоторых странах Африки, например, на берегах верхнего Нила, негры ловят бегемота сетями, такими крепкими, что они не могут рваться; когда бегемот попадет в плен, его умертвить легко.

Самка бегемота немножко меньше самца. Она приносит одного детеныша, как слон и все большие звери. Большая плодовитость была бы бедствием для стран, в которых живет этот колосс.

Поимка бегемота - большое счастье для негра, потому что он доставляет несколько тысяч фунтов превосходного жира для приготовления пищи, в растопленном виде превосходно сохраняющегося. Мясо его очень вкусно.

Это животное принадлежит исключительно Африке. У древних Страбон, опираясь на свидетельства Неарха и Эратосфена, отрицал существование бегемота в Индии и во всей Азии. Но Онезикрит и Филостранд доказывали противное. Вопрос о том, принадлежит ли бегемот исключительно африканскому материку, горячо обсуждался в древности, но не получил окончательного решения. Описания этой породы древними писателями мало согласуются между собой и по большей части очень ошибочны.

Так, по словам Аристотеля: „Он ростом с осла, грива и голос лошадиные, копыта как у быка, зубы выдающиеся, хвост как у свиньи”.

Геродот описывает его почти так же; он мало ошибается, говоря, что бегемот величиной с очень большого быка. Но доказательством того, что он сам не видел бегемота, служит то, что он приписывает ему хвост, похожий на лошадиный.

Плиний почти воспроизводит описание Аристотеля, прибавляя новую неточность: он говорит, что бегемот покрыт шерстью, как тюлень. Однако Плиний должен был иметь более точные познания, потому что в Риме показывали этих животных в различные эпохи. Таким образом, по словам Диона, Август, победив Клеопатру, привез с собой бегемотов. Император Коммод показывал пять бегемотов в Риме, и убил одного собственной рукой. Бегемотов видели в Риме в царствование Гелиогабала и Гордиана.

Геродот, Аристотель и Диодор Сицилийский совместно считают бегемота принадлежащим исключительно Египту и Нилу; отсюда происходит название „речная лошадь”; последний из этих писателей вернее всех описал бегемота.

Арабский врач Абдуллатиф также дал в двенадцатом столетии превосходное описание бегемота.

В последнее время снова подняли вопрос о том, есть ли бегемоты в Азии, а именно в реках Индии, Явы и Суматры, но все исследования дали до сих пор отрицательный результат.

Следовательно, ныне эти животные должны считаться исключительно принадлежащими Африке.

Теперь они довольно редки в Египте; по-видимому, они перешли в большие внутренние озера и в реки Абиссинии, Сенегала, Конго и Южной Африки.

Торговля пользуется ныне их зубами, шкурой, жиром.

Между тем как Гиллуа и Барте, по своей привычке, когда встречали какие-нибудь любопытные продукты страны, обращались к своим научным воспоминаниям о бегемоте, Лаеннек и Кунье, со своей стороны, сообразили, что следует захватить одного из этих громадных животных, которое доставило бы им изобильный запас свежего мяса.

— Мы прокоптили бы большую часть, — сказал Лаеннек, сообщая свою мысль молодым людям, — и таким образом у нас на несколько недель хватило бы пищи и здоровой, и вкусной.

— Может быть, — ответил Барте, — стадо вышло на берег не очень

далеко от нас, и в таком случае не можем ли мы, с некоторой осторожностью, подойти так близко, чтобы убить одного нашими карабинами?

— Это почти невозможно.

— Я знаю, что это животное уязвимо только в некоторых частях, но...

— Не в этом затруднение, — перебил Лаеннек, — стоит только всадить пулю между глазами, и бегемот повалится как убитый бык; но днем он редко выходит из реки, и если случайно выйдет пощипать травы, почти всегда остается на берегу, с тем чтобы при малейшем шуме погрузиться в воду.

— Но тогда каким же образом туземцы охотятся за ним?

— В каждой стране свой обычай. В Верхнем Конго ставят крепкие сети или капканы на дороге, ведущей на поле риса, сорго или сахарного

тростника, которое он начал опустошать; его также ловят сетями или ловушками, из которых он не может выбраться, когда попадет в них ногой; иногда его преследуют в лодках с гарпуном. Но из всех этих способов, испытанных мною, ни один не может сравниться с засадой. Стоит спрятаться вечером в плантацию, которую он имеет привычку посещать, и убить в упор.

— Не можем ли мы попытаться в эту ночь?

— Для этого надо знать привычки стада, недавно приблизившегося к этому берегу. Я уверен, что наши негры расстроили намерения бегемотов, которые обыкновенно выходят на этот маленький песчаный берег. В таком случае нам стоит только послать моего негра и Йомби в лес; они скоро разузнают место, где эти животные имеют привычку насыщаться.

Когда Кунье, каждый день становившийся искуснее в наречии фанов, успел рассказать Йомби, чего требовали от него, последний отвечал, что нет необходимости принимать столько предосторожностей для поимки бегемота, и что если его господин даст ему пирогу и кого-нибудь, кто мог бы грести, то он убьет бегемота через час.

Это предложение было передано Лаеннеку, который немедленно спросил фана, как он намерен действовать.

Йомби отвечал через своего обычного переводчика, что он знает очень простой способ заставить бегемотов подняться из воды, и в ту минуту, когда одно из этих животных покажется на поверхности воды, он раскроит ему череп топором, которым рубили дрова и обрезали лианы.

Путешественники держали совет.

— Я не думаю, — сказал Гиллуа, который подал мнение первый, — чтобы мы вправе были доверять Йомби; опасно дать ему и лодку, и топор.

— Возможно, что ваши опасения и неосновательны, — ответил Лаеннек, — и я очень ошибаюсь, если ваш друг не встретил в нашем пленнике такого же верного слугу, как Уале, готового умереть за него. Я знаю характер негров и уверен, что наш фан отдался душою и телом своему господину. Но лодка — наше единственное средство спастись, а топор может послужить Йомби к тому, чтобы отделаться от Кунье, который поедет с ним. Поэтому я думаю, что благоразумие требует держаться вашего мнения.

— Если бы нам поехать с ним, — предложил Барте.

— Ваше предложение довольно опасно, — ответил Лаеннек, — умеете ли вы плавать?

— Достаточно для того, чтобы не бояться переплыть Конго, — ответили молодые люди.

— В таком случае можно попытаться.

Когда Йомби узнал, что просьба его исполнена, и что сверх того он выкажет свое искусство перед белыми, он немедленно начал на берегу одну из тех негритянских плясок, перемешанных с криками, хлопаньем в ладоши и топаньем ног, которыми негры выражают радость, доведенную до высшей степени. Этот пример оказался заразителен, и Кунье, смотревший как его товарищ в такт качал тело и переваливался в разные стороны, не выдержал и пустился визави с фаном. Буана не могла отстать от них, и трио представило полную картину всех гримас и кривляний, составляющих в Центральной Африке искусство танца.

Вдруг Йомби, как бы пораженный внезапной мыслью, бросился в лес, оторвал длинную ветвь железняка и вернулся также быстро. Наши путешественники сообразили, что это составляет часть программы, и что они увидят новую фигуру этой странной пляски, когда фан сказал им с торжествующим видом:

— Вот этим Йомби заставит плясать речного быка. Интермедиа заставила на минуту забыть охоту за бегемотом, но негр ни за что на свете не отказался бы от своей идеи; он хотел показать белым и двум другим неграм, как фанский воин охотится за царем африканских рек.

Когда сели в пирогу, Кунье пустил ее по течению, Буана осталась на берегу с Уале приготовлять завтрак. Как только лодка отошла на четыреста метров, Йомби сделал знак Кунье грести тише.

— Бара-уаду (речные быки) тут, — сказал он, указав рукою на изгиб реки, похожий на маленькую бухту, вода которой стояла неподвижно, как в озере.

— Спроси у него, — сказал Лаеннек Кунье, который всегда служил переводчиком, — по каким причинам он мог узнать так далеко присутствие этих животных.

На предложенный вопрос немедленно был дан следующий напыщенный ответ:

— Никакое животное ни в лесах, ни в воздухе, ни в воде не может ускользнуть от глаз фана. Йомби примечает бара-уаду, потому что они не могут скрыть своего дыхания.

Действительно, присмотревшись внимательно, путешественники заметили в том месте, на которое указывал Йомби, тысячи воздушных пузырьков, лопавшихся на поверхности и показывавших этим присутствие стада, потому что никакая стая рыб не могла произвести такого явления.

Фан стал на носу с веткой железняка в руке; Кунье начал медленно грести по указаниям своего товарища.

Лаеннек и молодые люди на всякий случай подготовили карабины.

В ту минуту, когда лодка вошла в бухту, Йомби вдруг смело погрузил в воду свою длинную ветвь, потом с быстротою молнии бросил ее и схватил топор, лежавший у его ног; только он успел стать в позицию человека, собирающегося ударить, как громадная голова бегемота высунулась менее чем в двух футах от пироги, и в то же мгновение топор опустился между глаз животного, так что наполовину исчез в черепе. Бегемот, смертельно раненный, бросился на нападающих и опрокинул лодку, но это было его единственное усилие; он скоро растянулся среди потока черной крови, лившейся из его раны, и остался неподвижен под водою.

В это время путешественники, находившиеся только в тридцати метрах от берега, добрались до него благополучно, не оставляя своих карабинов; к счастью для них, все стадо, испуганное шумом, поспешило на середину реки, не думая о том, чтобы отомстить за убитого товарища.

Между тем как Кунье, схвативший лодку, вплавь тащил ее к берегу, Йомби длинной веревкой, которую он захватил с собой, привязывал бегемота за один из его зубов и почти в одно время со своим товарищем вышел на берег. Наши путешественники могли только довести животное до берега, но им невозможно было совсем вытащить его из воды. Бегемот был одним из самых крупных. Лаеннек полагал, что вес его должен был превзойти пять тысяч фунтов.

Решили, что его разрубят на месте, и для этого необходимо было переменить стоянку.

На это потребовалось немного времени, потому что провизии никакой не было, кроме пороха и пуль; для пропитания путешественники должны были полагаться только на свое искусство, а из кухонной утвари у них был только чугунный котелок, который Лаеннек брал с собой во все свои экскурсии и который был отдан на руки Буане.

Весь день рубили бегемота длинными полосами, которые сушили на огне, прежде чем коптить, и как можно более вытапливали жиру, который Буана клала в тыквенные бутылки, приготовленные Кунье и Йомби.

Когда вечером увидели, что запас почти превосходил то, что пирога могла снести, путешественники бросили свое дело и начали строить на ночь шалаш и разводить костер для отпугивания хищных зверей.

Когда они занимались этим, им показалось, что остатки бегемота зашевелились на берегу. Барте и Гиллуа подходили уже узнать, что значит это странное явление, когда Лаеннек остановил их.

— Берегитесь, — сказал он, — это, может быть, крокодилы, Конго ими наводнен.

Лаеннек сказал правду, потому что через несколько минут остатки бегемота исчезли под водой, увлекаемые большими черными телами, которые могли принадлежать только крокодилам.

Крокодил оспаривает у бегемота владычество над большими африканскими реками. Справедливость требует сказать, что ни тот, ни другой не может успешно бороться с противником, поэтому они имеют обыкновение избегать друг друга, и довольно редко можно встретить их в одних и тех же местах, если только, как в настоящем случае, крокодила не привлекает труп его врага.

Это величайшее из всех пресмыкающихся трудно захватить, особенно когда с годами в крокодиле развивается вся находчивость самого недоверчивого инстинкта. Часть его существования, скрытого в недрах вод, ускользает от наблюдения; многие его привычки составляют еще тайну для науки.

Геродот, который в древности сообщил об этом животном сведения, узнанные от жрецов и жителей Египта, описал его лучше, чем бегемота, потому что большая часть его описаний подтверждена современной наукой.

Крокодил, очень маленький, когда он рождается и вылупляется из яйца, не превышающего величину гусиного, достигает в старости необыкновенных размеров, именно, от десяти до одиннадцати метров.

Когда он вырастет совсем, его кожа, покрытая сверху чешуей, приобретает такую жесткость, что недоступна пуле; живот и подмышки - единственные места, уязвимые для выстрела. Пасть проходит во всю длину головы и вооружена страшными зубами, из которых многие выходят наружу; только верхняя челюсть обладает подвижностью, язык мало развит, если только можно назвать языком перепонку, едва заметную на дне пасти.

Как все амфибии, крокодил выходит на берег, чтобы спать и отдыхать от деятельной жизни, которую ведет под водой. На берегу же самка кладет яйца, из которых через месяц от солнечного жара вылупляются детеныши.

Если крокодилы ведут непримиримую и вечную борьбу против почти всех животных, даже самых больших, они между собой живут, по-видимому, согласно и, так сказать, семейно; нередко можно видеть и больших, и маленьких в числе от десяти до двенадцати, а часто и более, на песчаных островках среди рек.

Но к крокодилам приблизиться нельзя; при малейшей опасности и тревоге, поднятой самым бдительным из них, вся стая исчезает в ту же минуту под водой.

Достаточно паруса лодки вдали, чтобы встревожить крокодила, тем

более, если он не вместе со своими, а один; поэтому очень трудно поймать крокодила, если он не в глубоком сне.

Несколько животных служат ему также передовыми часовыми. Долго существовал предрассудок, будто все живое в природе бежит при его приближении. Несколько водяных птиц живут постоянно в его соседстве. Одна из них, очень маленькая *тротил*, сделалась даже его товарищем. Во время сна крокодила эта птичка проскальзывает в полуотверстую и окровавленную пасть чудовища и проглатывает насекомых, обыкновенно наполняющих ее.

Ихневмон, напротив, ожесточенный враг крокодила; он все время отыскивает крокодиловы яйца в песке и пожирает их, ограничивая таким образом его размножение и инстинктивно занимаясь уничтожением, более полезным для человека, чем для него.

Слишком большое размножение крокодилов было бы бичом для человека; его соседство очень часто пагубно для прибрежных жителей экваториальной Африки.

Иногда случается, что это животное, побуждаемое голодом, нападает на домашний скот, утоляющий жажду возле его жилища. Крокодил даже выходит из воды, когда примечает добычу, которая кажется ему легка и беззащитна, например ребенка или человека, спящего на берегу.

Это страшный враг особенно для женщин, которые несколько раз в день ходят на реку за водой или для омовений, которые во всей Центральной Африке, так же как и на Востоке, составляют религиозный обряд.

В обычные часы крокодил подстерегает свою добычу, тихо подплывает, опрокидывает своим могучим хвостом и увлекает далеко под воду, чтобы там сожрать ее на свободе.

В тех местах, в которых он часто встречается, его хищнические подвиги, не знающие никаких пределов, естественно привлекают к крокодилу внимание и внушают ужас жителям, живущим у реки.

Какой-нибудь крокодил, давно известный в деревнях своими разбойниччьими привычками и многочисленными жертвами его прожорливости, обыкновенно обозначается населением под прозванием, которое служит выражением силы и могущества и напоминает кровавые убийства и казни, -атрибут власти для всех африканцев.

На берегах Конго его называют ула, король; монду, страшный воин; момтуану, людоед. На берегах Нила его называют визирь или султан; когда несколько поколений знали его, он получает за свои преклонные лета прозвание шейка, то есть патриарха, старшины кантона.

В экваториальной Африке он называется *гимса*, название очень странное, когда подумаешь, что и в египетской древности его называли гимса - прозвище, сохраненное преданием до наших дней на берегах Нила.

По словам Геродота, древние ловили крокодила удочкой или железным крючком, к которому был привязан кусок свиного мяса.

Способ этот еще ныне практикуется на берегах Конго вместе с другим способом, который состоит в том, что вырывают глубокую яму, покрывают листвами и привлекают туда крокодила посредством приманки.

Путешественник Кальяр указывает другой способ, употребляемый жителями больших озер Центральной Африки.

„Они занимаются охотой за крокодилом на песчаных берегах, окаймляющих ложе реки, и на островах, - говорит он. - Во время отлива эти люди, знающие место, куда крокодилы имеют обыкновение приходить дышать воздухом, строят маленькие глиняные стены фута в два или три вышины. Выйдя из реки, крокодилы ложатся за этой стеной и засыпают. Охотник, приметив крокодила в этом положении, приближается тихо, чтобы не разбудить его, и, укрываясь за маленькой стеной, вонзает ему в пасть, или с боку шеи, где нет ни костей, ни чешуи, копье в виде удочки с ручкой, на которую навита длинная веревка. Если прожорливое чудовище не умрет сразу и бросится в реку, гарпунщик разматывает веревку до тех пор, пока крокодил не ослабеет; а потом вытаскивает его из воды".

Верхняя кожа крокодила употребляется на щиты; кожа с живота, менее жесткая и более гибкая, идет на рукоятки кинжалов и мечей.

Почти во всех странах, где водятся крокодилы, зубы его считаются у туземцев талисманом против укусов крокодилов, а жир употребляется при лечении врачами и колдунами.

Пока Гиллуа, который никогда не был так счастлив, как в то время, когда мог говорить о ботанике и естественной истории, сообщал своим товарищам все эти подробности, приведенные здесь вкратце, о страшном животном, которое воспользовалось их охотою, Буана позвала путешественников к ужину, главные кушанья которого составляло мясо бегемота во всех видах, - и вареное, и жареное. Мясо было объявлено превосходным и чрезвычайно похожим по вкусу на бычье.

Когда настала ночь, Кунье и Йомби занялись около костра, разведенного ими, завертыванием в банановые листья разрезанного на полосы бегемотового мяса, которое они высушили и выкоптили днем, между тем как наши путешественники чистили карабины, вымоченные во время их падения в воду.

Осмотрели запас пороха и ящик, в котором он лежал, завернутый в

толстый слой сухих листьев. Набрали корней таро, иньяма и плодов хлебного дерева, - сколько могло поместиться в лодке, и, прежде чем созвездие Южного Креста прошло первую четверть своего пути по золотистому небу экватора, все было готово для завтрашнего отъезда.

— Воспользуемся хорошенько этой ночью, господа, - сказал Лаеннек своим товарищам, - это последняя ночь, которую мы проведем на твердой земле до берегов Банкоры.

Кунье, не спавший первую половину ночи, заснул у костра, передав Йомби заботу об огне, как вдруг товарищ разбудил его и сказал шепотом:

— Слушай! Злые духи потрясают небо и реку; Йомби боится за господ.

— Что там такое? - спросил Кунье, немедленно вскочивший на ноги.

— Слушай и смотри, - продолжал фан.

Кунье прислушался... Река глухо ревела, атмосфера была тяжелая и густая, время от времени прорезываемая молнией без грома, как это бывает при приближении грозы.

Молнии сверкали у горизонта, над лесом, черные массы которого вдруг освещались в темноте, но весь берег, вдоль которого протекал Конго, оставался погружен в глубокую темноту.

— Стоило тревожить мой сон, - сказал Кунье, - Йомби скучал и хотел разбудить Кунье, чтобы поговорить с ним.

— Это все, что понял Кунье?

— Я понял, что пойдет дождь, вот и все!

— Негр у белых людей лишился чутья своей расы; он говорит, как ребенок.

— Кунье не дикарь, он не ест человеческого мяса, он не...

Разговор переходил в ссору, когда Кунье был прерван жалобным воем Уале, который, протянув морду к реке, как будто угадывал опасность, против которой находил себя бессильным.

— Собака понимает язык реки, - сказал Йомби нравоучительно, - надо слушать собаку.

— Что нового? - спросил Лаеннек, которого вой Уале вызвал из шалаша.

В эту минуту рев реки увеличился до такой степени, что вопрос Лаеннека не получил ответа, и все трое принялись слушать, желая разобраться в этом ночном шуме, тем более странном, что в воздухе не было ни малейшего ветерка.

Успокоенный присутствием того, кого Йомби считал начальником маленького каравана, он поспешно обратился к Кунье со словами:

— Скажи Момту-Момани, что водяной смерч должно быть разразился в верхних землях, откуда течет река, и что мы едва успеем укрыться в лес, чтобы избежнуть наводнения.

Как только Лаеннек услыхал эти слова, он понял всю важность этого предостережения, и, бросившись в шалаш, разбудил своих товарищей.

— Проворнее, господа, проворнее, — сказал он, — будет наводнение.

Гиллуа и Барте тотчас были на ногах и по приказанию Лаеннека захватили всю провизию, какую могли унести.

— В лес! — скомандовал Лаеннек отрывисто...

Ночь кончалась, и свет, сначала тусклый, но усиливавшийся с быстротой, обычной в южных широтах, позволил путникам направлять свой путь. Беглецы инстинктивно обернулись и заметили, что вода разливавшейся реки уже залила шалаш, который они оставили пять минут тому назад.

В эту минуту Лаеннек вскрикнул с отчаянием:

— Наша пирога, наше единственное спасение!... Лодка, о которой они забыли в своей поспешности и которую, впрочем, не успели бы унести, неслась по волнам, как древесный ствол, уносимый течением.

Храбрый Йомби, видя уныние, вдруг овладевшее теми, кто спас ему жизнь, бросил наземь свою ношу и, закричав, чтобы продолжали бежать, кинулся в ревущие волны реки за лодкой...

Пятеро беглецов поспешили достичь рубежа леса, который хотя отстоял только на полтораста метров от реки, находился на таком возвышении, что вода не могла до него достигнуть.

Очутившись в безопасности, беглецы жадно устремили глаза на Конго, который в эту минуту походил на разъярившееся море, и заметили вдали человеческую фигуру, боровшуюся с волнами, с черной массой в руках.

Это был Йомби и пирога.

ГЛАВА IV

Наводнение

Происшествие, которое чуть было не стоило жизни нашим путешественникам, нередко в стране Конго и находит свое объяснение в устройстве поверхности и в климатических условиях края.

В очертании Конго, по-видимому, произошли важные перемены вследствие последних переворотов в земном шаре, или местной случайности, пример которой нам дают африканские области.

Почва Конго своим наклоном от северо-запада к югозападу и устройством своей поверхности принадлежит к той великой системе, которая составляет так называемый африканский материк и состоит из плоскогорий, постепенно поднимающихся к высшей точке, находящейся в центре, почти под экватором, и где раскидываются большие цепи гор, составляющие как бы ядро Африки. Многие из этих громадных плоскогорий, а именно у озера Куффуа, однообразие которых иногда нарушается небольшими холмами, покрыты тонким сыпучим песком и камешками, как бы набросанными морским прибоем.

Присутствие морской воды в этой пустыне в эпоху самых древних переворотов на земном шаре, по-видимому, доказывается многочисленными слоями каменной соли на поверхности земли и залежей морских раковин в окаменелом состоянии, часто встречающихся там также, как и настоящим составом воды в озере Куффуа.

Пояс этих пустынь, почти никогда не орошаемых атмосферными осадками, осужден на вечное бесплодие.

В этой бездне, всегда жаждущей, поглощается и теряется множество источников, которые спускаются из дождливых областей и с горных вершин к этому песчаному океану. Редкие оазисы едва показываются тут, как острова для услаждения взора своей зеленью, и изредка, при глубоком исследовании этих негостеприимных берегов, встречаются там лужи соленой воды.

С этого громадного плоскогорья, усеянного озерами и называемого ядром Африки, вытекают три большие реки: с северных склонов Нил, с западных Огоуе, а с юго-западных Конго.

Эти три большие реки громадной массой своих вод могли проложить путь среди этих песков. Периодические разливы, выкидывая грязные воды из берегов, наложили тинистый ил, заключающий в себе в высшей степени плодородные составные части почвы.

Эта противоположность в двух родах почвы - бесплодной и плодородной и вместе с тем столь различных и по своему происхождению - наблюдается в Африке на большом пространстве. Протяжение этих трех рек поразило жителей этих берегов, которые, как все первобытные народы, видят в физических фактах проявление божественного могущества.

Старинные предания прибрежных народов верхнего Огоуе и верхнего Конго еще не очень хорошо известны, но предания верхнего Египта показывают нам, что этот феномен внушил первобытным жителям самую замысловатую аллегорию, которую древнее отечество иерофантов освятило как один из фундаментальных религиозных догматов.

Нил - это Озирис, оплодотворяющее начало; он, спустившись с высоких областей Эфиопии, создал пахотную землю и питает растительность и одушевленные существа.

Пустыня, символ вечного бесплодия, олицетворяется в Тифоне, зловредном существе, постоянно захватывающем и постоянно отталкиваемом Озирисом, которого он не может уничтожить.

Границу двух стихий составляет разлив. Оплодотворяемая земля представляется Изидой, сестрой и супру-гой Озириса, а бесплодная земля пустыни, никогда не участвующая в благодеяниях орошения, олицетворяется Невтисой, сестрой и супругой Тифона. Осужденная на бесплодие в своем супружестве, она могла воспроизводить только посредством прелюбодеяния с Озирисом, то есть излиянием воды реки на пустынную землю.

Этот любопытный миф прекрасно устанавливает, - говорит Шерубини, товарищ Шамполлиона Младшего, - различие между почвой первобытной и наносной, возобновляющейся в известные определенные эпохи.

Все, что известно о верованиях жителей верхнего Конго, заставляет думать, что те же условия почвы и большой реки привели к тому же мифу. В самом деле, для них Конго не что иное, как великий гений Марамба, вечно в борьбе с Мевуйя, духом зла, обитающим в пустынных плоскогорьях Куффуа.

Возвратимся же собственно к той стране, где происходят события этого рассказа. Река Конго, в противоположность ее северному собрату Нилу, течет с бесплодных склонов, скоро встречает самую роскошную растительность и дотекает до океана, окруженного поясом непроходимых

лесов. Но так же, как и его собрат с северных склонов, он периодически разливается, превращая в обширные болота окружающие его девственные леса.

Три периода царят в Конго. Первый - пора засух, - начинается после зимнего солнцестояния; второй - пора дождей и наводнений, - начинается в летнее солнцестояние, длится до осеннего равноденствия и может считаться как бы зимою жарких поясов; наконец, - пора плодородия - начинается почти с осенью умеренных климатов Европы.

Но эти различные времена года и явления, сопровождающие их, изменяются сообразно географическому положению и особым обстоятельствам различных областей этой обширной страны. Таким образом, Конго, как и остальные две страны, орошаемые Нилом и Огоуе, распадается, относительно климата, на два пояса, представляющие самые резкие контрасты.

Область Куффуа, если не считать некоторых атмосферических случайностей и редких изменений температуры, обладает только одним временем года, зноным и сухим. Эта область осуждена на постоянное бесплодородие под небом всегда чистым, представляющим не лазурную занавесь, а медный свод, в котором отражается яркая белизна пустынь.

Дождь считается там чудом. Однообразие нарушается лишь около весеннего равноденствия, когда наблюдается явление, которому подчинены все северные и южные страны Африки, от пятнадцатого градуса южной широты до тридцать седьмого - северной. Во время этого более или менее продолжительного периода южный ветер, иссушающий все, дует непрерывно. Жители этих стран, которые, как все первобытные народы, олицетворили борьбу природы в двух духах добра и зла, приписывают жгучее дуновение южного ветра коварному влиянию злого духа. Этот ветер, называемый арабами камсин, симун, называется жителями пустынного плоскогорья Конго шамином.

Когда шамин начинает дуть, атмосфера наполняется красноватой пылью, до того тонкой, что она проникает всюду.

Сквозь это покрывало солнце кажется пурпурным, а дневной свет принимает тот темный оттенок, который замечается во время затмения.

Жгучий воздух теряет свою эластичность, порывы ветра как будто выходят из печи и удушают всякого, кто подвергается им. Изнурительная усталость овладевает человеком, он лишается аппетита, чувствует страшную жажду, да и вся живая природа цепнеет. Дикие звери остаются в своих логовищах. В эту пору года караваны стараются не проезжать по пустыне. Горе неблагоразумным путешественникам, которых эта буря

застанет среди песков! Скоро вихри пыли затемнят их зрение; они не смогут утолить жажду, вода высохнет в мехах; истощенные люди и животные изнемогают, и песок скоро засыпает их.

Последствия этого знойного ветра были бы еще страшнее, если бы природа не положила ему границ; эти вихри редко продолжаются в южной части Африки более пяти или шести часов подряд.

Человеческая жизнь была бы почти невозможна на плоскогорьях верхнего Конго, если бы юго-восточные ветры, дующие время от времени и насыщенные испарениями, не доставляли некоторую прохладу.

Вид этой части Конго согласуется с однообразием неба и суровостью климата. То необозримо простираются громадные пространства - голые, без всякого следа растительности и напоминают бесплодные морские берега, то среди этой громады возвышаются, как под-водные рифы, массы высоких скал, потемневших от солнца и составляющих контраст с яркой белизной песка, который ветер гонит и накапливает на их крутой вершине.

В этих местах, где не растет ни травинки, где камни еще жгут среди ночи, не может жить ни одно живое существо.

Едва можно найти там змей, ящериц или скорпионов. Пустыня эта днем служит убежищем газелям, преследуемым какими-нибудь жалкими племенами негров, которые странствуют в этих местностях, избавляясь от рабства. Ночью эти животные бегут на берега реки щипать узкую полосу зелени, питаемую водами Конго.

Вид этой пустыни во всей ее обнаженности, этой природы, бездейственной и дряхлой, оставляет в уме невыразимое впечатление грусти и уныния.

Видя столь безотрадные картины, путешественник легко понимает причины, подавшие повод к вымыслу, превратившему эти пустынные места во владения Мевуйя - духа зла.

Нижняя область Конго напротив одарена самыми великими преимуществами. Жаркую пору сменяет пора дождливая и периодических наводнений.

Южная часть Конго, напротив, отличается приятным климатом и живописностью ландшафтов. Здесь период зноя правильно сменяется периодом дождей и наводнений.

Эти периодические наводнения, свойственные, как мы уже упоминали, трем великим рекам Африки: Нилу, Огоуе и Конго, уже с глубокой древности были предметом ученых изысканий. Диодор Сицилийский собрал даже по этому вопросу мнения знаменитейших мыслителей древности.

Современные географы, по словам Шерубини, держатся по этому вопросу следующего объяснения. Около времени летнего солнцестояния влажные пассатные ветры, дующие с севера к югу, встречают преграду в высоких горных цепях Центральной Африки; здесь влага собирается и разрешается проливным дождем, сопровождающимся грозами. Такие дожди с грозами часто наблюдаются около этого времени на склонах горных кряжей и высоких плоскогорий.

Дождевые воды наполняют реки, успевшие уже обмелеть в засушливый период, и вздувшиеся потоки с шумом катят свои волны, увлекая в своем стремительном течении и обломки скал, и вырванные с корнем гигантские деревья, и массы песка с затопленных берегов. Этот-то ил и оплодотворяет потом те земли, где застаются воды внезапно разлившейся реки.

Туман, образовавшийся у склонов гор, часто бывает так густ и непроницаем, что здесь днем царит полная тьма; лишь время от времени молнии прорезают черный небосклон. Воздух становится тяжел и удушлив. И внезапно тучи проливают потоками дождя, настолько обильного, что кажется, будто океан прорвал какую-то небесную плотину.

Все, что такой внезапный ливень встретит на своем пути, сметается в одно мгновение: деревни, поля, леса превращаются в голый песок. А если на пути встречается река, то она сразу разливается на сотни миль, превращаясь в бушующее море...

Именно такой внезапный разлив Конго и наблюдали наши беглецы, когда внезапно были разбужены необычайным шумом. Поток унес их единственную пирогу и, по-видимому, похоронил в своих недрах несчастного Йомби.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БОЛОТА КОНГО И БАНКОРЫ

ГЛАВА I

Постройка пироги. - Прогулка по девственному лесу

Через два дня после события, которое чуть было не сделалось для беглецов роковым, Лаеннек и его товарищи сидели на закате солнца около огня, который были вынуждены разводить каждый вечер, и держали совет, что предпринять в том положении, в которое их поставила потеря лодки.

Река Конго вернулась в свое русло, и необходимо было на что-нибудь решиться.

— У нас есть только два способа выпутаться из затруднения, — продолжал Лаеннек обсуждение, — или спуститься до негритянской деревни в Банкоре по левому берегу реки, несмотря на затруднения всякого рода, ожидающие нас, или выстроить новую пирогу.

— А по вашему, любезный Лаеннек, — сказал Барте, — который способ удобнее?

— Я все остаюсь при том мнении, что для европейцев, не привыкших к климату, путешествие по суше, с чумными болотами, с хищными зверями, совершенно невозможно.

— Вы думаете, что нам надо построить лодку?

— Думаю, но и здесь есть затруднение, которое мы едва ли преодолеем.

— Какое?

— У нас нет никаких инструментов, кроме топора для обрезания ветвей, а мы должны срубить и выдолбить дерево достаточно большое, чтобы вместить всех нас. Мы не можем этого сделать раньше пятнадцати или двадцати дней.

— Мы будем работать попеременно и...

— Да! Но слабый инструмент может сломаться, и тогда мы будем вынуждены вернуться к первому плану...

— Господин, — перебил негр, — Кунье сумеет отомстить злым духам, укравшим нашу пирогу, он построит плот и Момту-Самбу может спуститься на нем по реке со своими друзьями.

Когда негр окончил эти слова, послышался шелест листвьев и кустов; Уале, спокойно спавший у ног своего хозяина, приподнялся ворча, а

путешественники схватили оружие... Но им не пришлось пустить его в дело, потому что громкий голос закричал среди зарослей:

— Друг! Друг!

В ту же минуту негр высокого роста показался в кругу света, набрасываемого костром.

— Йомби! - воскликнул Кунье, вне себя от удивления.

— Йомби! - повторили путешественники, увидев фана, которого все считали умершим.

Негр был принят как друг; в двух словах рассказал он историю своего спасения.

Боровшись всеми силами для того, чтобы притащить лодку к берегу, и принужденный после нескольких часов бросить ее и думать о своей собственной безопасности, он доплыл до ветвей громадного баниана, торчавших из воды, и представлявших ему верное убежище, пока река войдет в свое русло. Как только мог пуститься в путь, он направился к месту стоянки, полагая, что оно еще не брошено белыми.

Узнав затруднение путешественников, негр объявил, что берется построить в неделю с единственным имеющимся инструментом, большую и прочную пирогу, которая вполне заменит потерянную.

Это положило конец колебаниям. Было условлено, что с завтрашнего же дня, с рассвета отправятся в лес, чтобы выбрать необходимое дерево.

Радость надежды опять овладела всеми сердцами, и восходящее солнце застало путешественников в лесу; оба негра и Лаеннек осматривали деревья, по-видимому, соединявшие требуемые условия, Буана собирала корни и плоды, Гиллуа, по своему обыкновению, читал курс ботаники Барте, который со своей стороны находил каждую минуту способ применять познания своего друга к географии.

— Большая часть растений тропической Африки, особенно в Конго, - говорил своему другу бывший воспитанник Центральной школы, - встречается также и в Бразилии. Это объясняли колонизацией португальцев, распространившейся на обе страны. Но я не думаю, чтобы этого было достаточно для полного объяснения сходства, наблюдавшегося во флоре обеих стран. Смит, ботаник знаменитой Тукайской экспедиции, который задолго до нас безуспешно пытался проникнуть в центр этой живописной, но опасной страны, привез с берегов Конго более шестисот видов растений, из которых двести пятьдесят были совершенно новые. Семьдесят видов подобны другим странам, находящимся между тропиками, и более двухсот - Бразилии. Эта любопытная коллекция Смита была приведена в порядок после его смерти Робертом Брауном. Сравнения

гербария Смита с теми, которые собраны в других странах Африки и во всех частях света, позволило заключить, что наибольшее количество видов находится не между тропиками, а на параллели мыса Доброй Надежды, то есть под тридцать четвертым градусом южной широты.

— Не может ли это, — перебил Барте, — быть применено и к северному полуширарию?

— Да, можно вообще сказать, что пояс, самый богатый растительными видами, находится близ тридцать четвертого градуса широты и северной, и южной. Пользуясь документами, собранными Смитом и другими путешественниками, Браун установил важный факт, который мы можем проверить именно здесь, большое однообразие в растительности всего западного африканского берега, начиная от реки Сенегал в шестнадцати градусах северной широты, до Конго в шести градусах южной широты. Самые обыкновенные деревья на всем этом берегу, кроме пальм, — *адансония баобаб*...

— Не это ли дерево открыл Адансон, приписывающий ему значительную долговечность, более шести тысяч лет, кажется?

— Это самое. Впрочем, рассматривая ежегодные слои ствола и ветвей молодой адансонии, можно убедиться в неосновательности этого мнения. Притом его губчатая древесина, наполненная соком, достаточно доказывает, что это дерево недолговечное... Вот три дерева самые любопытные в этих странах: *бомбакс куба*, *панданус канделабрум*, *стеркулио акумината*; они растут так близко друг от друга, что в нескольких метрах от земли смешивают свои листья; особенно стеркулио знаменит свойствами, которые туземцы и португальцы приписывают его плоду, ореху кола.

— Я слышал об этом плоде, но слава о его достоинствах до меня не дошла, — сказал Барте, улыбаясь.

— Орех кола, как вы можете сами убедиться, достигает величины плода хлебного дерева. Разобьем один. Посмотрите, в нем под шелухой находится плод, похожий на каштан, розовая мякоть которого разделяется на четыре клеточки. Его очень много в этом крае, и он в большом употреблении. Между прочим ему приписываются свойство очищать и делать здоровой испорченную воду, а также излечивать болезни печени. Португальцы так дорожат этим орехом, что если встречают на улице даму, то первая вежливость состоит в том, чтобы предложить ей кола. Насчитывают от десяти до двенадцати орехов на одном стручке; но мы выбрали не самый большой.

— Но вообще-то здесь, кажется, не очень много таких

гастрономических подарков флоры, - перебил молодой офицер, к которому среди этой улыбающейся природы вернулась вся его веселость.

— Питательных растений здесь гораздо больше, чем вы думаете, любезный Барте. Во-первых, знаменитый маниок, составляющий основу пищи жителей Конго.

— Не это ли растение любезный король Гобби хотел заставить нас обрабатывать?

— Именно. Достойно замечания то, что каждая часть света доставляет человеку растение, составляющее главную основу его пищи. Так Азия имеет рис, Европа - пшеницу, Северная Америка - картофель и маис, Западная Африка - различные сорта просо и сорго, Океания - хлебное дерево, Южная Америка и Южная Африка - маниок. Точно так же, как и растения отвечают условиям климата, в которых развиваются, человек должен всегда подчиняться пище той страны, где он живет и оставаться таким образом в постоянной гармонии с почвой и солнцем, греющим ее. Не напрасно эти факторы производительности - земля и теплота, соединяются, чтобы сосредоточить питательную силу в том или другом растении, и человек ничего не может сделать лучше, как преклониться перед мудростью природы. Маниоку жители Конго обязаны своей пищей, и любопытно, что этот корень растет почти без обработки,

— Я думал, что негры обрабатывают большие плантации маниока.

— Да, но их метод не требует большого искусства. Приготовив землю, взрыв ее и разделив на бугорки, они втыкают на семь или восемь дюймов глубины маленькие отпрыски длиною в один фут, а толщиною в один дюйм, по два и по три на каждом бугорке, так чтобы они не возвышались более пяти дюймов над землей. Они почти тотчас принимаются, и через десять месяцев вырастают на двенадцать и пятнадцать футов, со стволом около десяти дюймов в диаметре и с большим числом ветвей. Потом, чтобы сделать корень толще, землю кругом старательно вычищают, и когда растение созрело, ствол обрезают, - он годится только в огонь, - а веточки сохраняют для будущей плантации. Корень отрывают, снимают с него кору и превращают в муку на мельнице. Эта операция требует нескольких невольников: одни бросают корень в мельницу и следят за движением колеса, другие вынимают муку, третья сушат ее на огне в котлах. Обыкновенно собираются две деревни для приготовления своей жатвы сообща. Приготовленную муку едят или в лепешках, или сухую с говядиной и рыбой, или разводят в воде или теплом молоке. Обрабатывают еще для пищи маис, иньям, просо, земляные фисташки, фасоль. Сладкий патат, который некоторые португальские путешественники считали

принадлежностью Конго, до сих пор не встречался там. У нас теперь большое количество плодов, из которых самые главные разные сорта бананов, лимоны, апельсины, ананасы, папайя, тыква, тамаринд, сахарный тростник и сафу - маленький фрукт величиной со сливу, по вкусу подходящий к винограду, и тем более ценимый, что созревает в то время, когда другие плоды редки. Следует заметить, что большая часть этих питательных растений не туземные, но были ввезены в Африку из других частей света. По крайней мере, можно с уверенностью сказать, что маис, маниок и ананас привезены из Америки, а банан, лимон, апельсин, тамаринд и сахарный тростник происхождения азиатского.

— На чем вы основываете ваше мнение?

— Браун доказал, что вообще следует считать растение присущим краю лишь тогда, когда *и все другие виды того же рода туземны*. Основываясь на этом принципе, он думает, что все мнимые виды бананов, например, не производящие плодовитых зерен, не что иное, как простая разновидность; потом, соединяя их в один вид, присущий Индии, он старается доказать, что бананы, находящиеся в Америке, были привезены туда из Конго, хотя многие португальские писатели уверяли, что это растение обрабатывалось в Перу, Мексике и на Панамском перешейке до прибытия португальцев. По тем же основаниям, папайя - американского происхождения, потому что ни один вид этого рода, кроме обрабатываемого, не встречается ни в Африке, ни в Индии. Верно то, что это растение не имеет названия на санскритском языке. По словам Румфиуса, жители Малайзии утверждают, что получили это растение от португальцев. Тот же принцип должен относиться ко многим другим растениям, например, к табаку. Он, однако, не может распространяться на все... Да, подумать только, что мы находимся в центре Экваториальной Африки, что нам стоит сделать несколько шагов, чтобы прогуляться среди богатейшего гербариев на свете, а мы вынуждены бежать, не имея возможности пользоваться этим... Какая это будет чудная страна, если когда-нибудь климат позволит европейцам занять ее! Во всех странах верхнего Конго, где мы были, почва дает две жатвы в год. Сеют в январе и собирают в апреле, потом наступает зима, но такая теплая, как итальянская весна, потом начинается жара, земля отдыхает под огнем экваториального солнца, как в других климатах она отдыхает подо льдом. В сентябре наступают дожди, землю снова засевают, и жатва опять готова в декабре. Земля здесь черна и плодовита, как женщины, обрабатывающие ее; они не употребляют ни плуга, ни заступа. Как только небо возвестит малейший дождь, они прежде всего вырвут травы и корни, соберут их в кучу и сожгут

на месте. Потом при первом же дожде они взрывают землю легкой лопаточкой. По мере того, как отрывают борозду одной рукой, другой -сыплют семена, которые носят в мешочке на боку. Помните ли, Барте, сколько долгих часов провели мы, глядя на них в печальные минуты плена?

— Помню очень хорошо! На спине несли они своих детей. Бедные крошки, запрятанные в какой-то гамак, привязанный к плечам, играли волосами матерей, пока те работали, наклоняясь к земле.

— Жалкая страна, где женщина исполняет самые трудные работы и получает в награду одни побои! Она и жнет, и молотит, собирает зерна в кучу, и тогда только мужчины удостоят собраться и разделить плоды общих трудов своих жен, соразмерно числу жителей в каждой хижине.

— Это общий закон, право сильного, и европейские народы еще не совсем отказались от первобытных нравов в этом отношении... Как вы думаете, в этой не очень плодородной земле могли бы расти наши северные зерновые хлеба?

— Да, попытка была сделана. В таких же широтах, например, пшеница очень хорошо растет под тропиками, достигает громадного роста, но дает только длинные пустые колосья. Солома пшеницы под тропиками, превосходит вышину человека, сидящего на лошади; кроме того, доказали, что наши зерновые хлеба - растения однолетние, под тропиками имеют наклонность становиться многолетними.

— Наблюдение это в высшей степени интересно, потому что приводит к заключению, что эти растения в конце концов акклиматизируются и образуют новые виды!

— Совершенно верно! Кто может предвидеть бесчисленные изменения, которым растения и даже животные подвергнутся еще на земном шаре? Земля так же имеет свою историю. Во время азойского периода живые существа еще не появлялись на земном шаре. В ту эпоху отложились гнейсы, сланцы и гранит. Период *полеозоический* отличается первыми проявлениями жизни растений, моллюсков. Первый мох, который теплота и влага произвели на склонах гор, был предком растительного царства, как первый моллюск - царства животного. В период *вторичный* появились птицы и пресмыкающиеся; эта эпоха - громадных ящеричных гадов: мегалозавров, ихтиозавров и плезиозавров. Период *третичный* отмечен появлением двусемянодольных, а в животном мире - человека, что ныне не может быть оспориваемо, так как найдено немало следов присутствия самого со-вершенного из существ на земном шаре в эту эпоху. Таяние громадных ледников *четверичного* периода, сменившего предыдущие, - ледников, занимавших шестую часть всей поверхности

земного шара, должно было глубоко изменить вид твердой земли и морей; обширные потоки воды, которые в ту эпоху изрыли поверхность земли и мало-помалу нанесли повсюду громадные груды песка и валунов, должны были изменить общий вид нашей планеты. Во время этого периода человек исчез из Европы вместе с мастодонтом и мамонтом и вернулся туда долго спустя во время азиатского переселения, когда почва, покрытая громадными лесами, представляла жителям убежище менее первобытное и пищу более легкую. Это современный нам период, а между тем, может быть, миллионы лет отделяют нас от наших неизвестных предков ледниковой эпохи. Жизнь - постоянное стремление к лучшему; травинка, человек, земля, беспрестанно изменяются для того, чтобы жить.

Друзья шли таким образом несколько часов, рассуждая о самых различных предметах, оставляя ботанику для геологии, касаясь вопросов естественной философии, как вдруг разговор их прервал странный шум, похожий на топот лошади, скачущей галопом по густой чаще. Они оторопели и остановились, и прежде чем успели обменяться мыслями, в восьми метрах от них промчался как ураган черный буйвол, увлекая в своем беге гориллу, прицепившуюся к его бокам... Это привело их в ужас; они поняли, как неблагоразумно сделали, зайдя слишком далеко, и бегом пустились к берегу.

К счастью для них, очень возвышенная здесь местность, позволяла им время от времени видеть сквозь лес реку, и этому обстоятельству они были обязаны тем, что скоро отыскали дорогу.

На опушке леса они заметили своих товарищей, которые рубили великолепное дерево, из которого должна была быть изготовлена широкая и удобная пирога.

— Вы видите, — радостно сказал им Лаеннек, — что в ваше отсутствие мы исполнили самую опасную часть нашего труда, потому что этот слабый топор легко мог сломаться об узловатый ствол.

— Почему мы не можем помочь вам, любезный проводник! — ответил Барте.

— Ба! Каждому — свое ремесло; неопытные руки сразу сломали бы этот слабый инструмент. Теперь, гос-пода, ручаюсь вам, что не пройдет и недели, как лодка будет сделана, и мы в состоянии будем продолжать путешествие, столь неприятно прерванное.

— Каким образом вы сладите с этим громадным деревом?

— Наружная форма не составляет для нас важности; мы впрочем обтесываем дерево как следует. Выдолбить его взялись Йомби и Кунье с помощью могучего помощника, о котором мы не подумали.

— Какого?

— Огня.

— Любезный Лаеннек, вы, право, приучили нас ко всем чудесам!

— Тут нет никакого чуда, господа. Наши два негра просто употребят способ туземцев, сгладят одну сторону ствола горизонтально, а потом день и ночь будут поддерживать костер, брать из него раскаленные уголья и покрывать ими пространство, которое надо выдолбить. Угасший уголь будет немедленно заменен другим, и искусно управляя операцией, чтобы не скечь боков, мы получим через неделю прочную и удобную лодку. Самое главное - не оставлять пироги, пока она не будет окончена, потому что необходимо поддерживать огонь всегда в середине и на пространстве вдвое меньшем того, которое надо выдолбить. Потом очень легко отнять топором боковые выгоревшие части. Йомби в этом опытен, мы можем положиться на него.

— В самом деле, мужество, которое он выказал, стараясь с опасностью для жизни спасти лодку из волн, доказывает нам, что мы можем положиться на его преданность.

— Еще сегодня утром я сомневался, но теперь ручаюсь честью, если только роковая судьба не вздумает воздвигнуть нам препятствие, то не пройдет и пяти месяцев, как вы вернетесь в наше отчество... *ваше отчество* - сказал со вздохом бывший дезертир.

— Зачем поправлять ваше выражение, любезный Лаеннек, - ответил взволнованный Гиллуа, - мы надеемся вернуться туда вместе, и будьте уверены, что вам зачтут десять лет страданий в этой стране, где, может быть, бессознательный труженик цивилизации, вы тем не менее оказали большие услуги, способствуя уничтожению предрассудков негров, которые видят во всех белых - торговцем людьми.

— Это невозможно, господа, - сказал бедный Лаен-нек, склонив голову, - я был осужден на смерть военным судом...

— Ваш проступок был не из таких, которые навсегда пятнают честь человека; теперь он заглажен. Разве вы считаете ни во что услугу, которую оказываете нам в эту минуту? Поверьте, суд нашего отечества сумеет оценить это. Притом ведь тот, кого вы ударили в минуту помешательства, не умер.

— Я был осужден на смерть, - сказал Лаеннек еще с большей энергией, - и никогда не увижу Бретань... Притом я обещал Гобби вернуться, а странник пустынь не изменяет своему слову.

— Как только мы вернемся, мы выхлопочем вам помилование. Оставьте нам надежду, что ваше решение тогда перестанет быть

неизменным.

— Надежду! Какое прекрасное слово вы произнесли, господа! Если желаете, мы так назовем лодку, которая позволит нам оставить этот негостеприимный берег.

Молодые люди не настаивали более, но обещали себе, как только прибудут к берегам Банкоры, употребить все усилия, чтобы уговорить Лаеннека следовать за ними во Францию.

На закате солнца кедровый ствол, с которого сняли все ветви, был готов для долбления; Кунье и Йомби развели костер.

Чтобы не прекращались работы, путешественники переселились на рубеж леса, и когда Буана позвала их ужинать, отесанная поверхность будущей пироги уже дымилась от раскаленных угольев.

ГЛАВА II

Двенадцать дней плавания. - Берега Банкоры

Страшная встреча Барте и Гиллуа в их прогулке занимала весь разговор вечером, и Йомби, который провел часть своей жизни в Габонских лесах, где водится горилла, нисколько не сомневался в победе этого зверя над буйволом.

Эта большая обезьяна, рост которой далеко превосходит человеческий, самое сильное животное в пустынях Центральной Африки; не вполне изученное и до сих пор, оно впервые послужило предметом серьезного наблюдения для неустрешимого дю Шалью; и несмотря на пристрастные рассказы некоторых путешественников, завидовавших великому исследователю Габона, ему мы и обязаны самыми подробными сведениями об этом странном животном.

Нельзя читать без трепетного любопытства о первой встрече мужественного путешественника с гориллой среди неизвестных развалин возле источников Ютамбенне.

„Мы начали рассматривать руины, возле которых селя; густой сахарный тростник рос на том месте, где прежде были дома; я поспешил нарвать несколько стеблей, чтобы попробовать их, но вдруг мои люди указали мне на одно обстоятельство, которое привело их в чрезвычайное смятение. Там и сям тростник был изломан на кусочки, которые валялись на земле изжеванные. Я узнал свежие следы гориллы, и сердце мое наполнилось радостью. Люди мои переглянулись и прошептали:

— Горилла!...

Идя по этим следам, мы скоро нашли отпечатки ног животного. Первый раз видел я эти следы, и то, что я испытывал, не может быть описано. Итак, я увижу это чудовище, свирепость, сила и хитрость которого так часто составляли предмет разговора туземцев, животное, едва известное цивилизованному миру, и за которым никогда не охотились белые люди! Сердце мое билось так сильно, что я боялся, чтобы звук этот не встревожил гориллу, и волнение мое дошло до такой степени, что превратилось почти в страдание.

Последам можно было угадать, что здесь было несколько горилл. Мы

решились идти отыскивать их.

Когда мы вышли из стана, мужчины и женщины, оставленные нами, собрались в кучку. Ужас изображался на их лицах. Мионге, Макиуда и Нголе составили одну группу охотников, я и Ява - другую группу. Мы условились, что будем держаться недалеко друг от друга, чтобы в случае надобности подать взаимную помощь. Что касается остального, то тишина и меткость стрельбы были единственными предписаниями, которым надо было сделать,

Идя по следам, мы узнали, что здесь должно быть четыре или пять этих животных, и ни одно неказалось очень велико. Мы увидали, что все шли на четвереньках - обыкновенная походка гориллы; время от времени они садились жевать сорванный тростник.

Мы условились вернуться к женщинам и их караульным и посоветоваться, как действовать, когда узнаем, по какому направлению идти. Чтобы не возбудить внимания наших врагов, мы сначала отвели женщин на небольшую дорогу, где караваны выстроили несколько шалашей, которые могли служить убежищем. Туда спрятали женщин. Последние чрезвычайно боятся гориллы: так страшны рассказы, которые ходят между племенами о похищениях, совершаемых этим свирепым животным. Сделав это, приготовились отправиться на охоту.

Осмотрев еще раз наше оружие, мы пошли. Признаюсь, никогда в жизни не испытывал я такого нетерпения. Сколько лет слышал я о страшном реве гориллы, об ее изумительной силе, об ее мужестве, когда она ранена выстрелом. Я знал, что мы идем нападать на зверя, который опаснее леопарда.

Горилла самец и лев Атласских гор - два самых свирепых и самых сильных животных на всем континенте. Южный лев не может сравниться ни с тем, ни с другим по силе и мужеству. Кто знает, не горилла ли прогнала льва из той страны, где мы находились! Этот царь зверей, столь распространенный в других частях Африки, никогда не показывается в тех странах, где живет горилла.

Мы спустились с горы, прошли ручей по упавшему древесному стволу и приблизились к гранитным глыбам. У подножия их лежало сухое дерево громадной величины; мы приметили около него признаки недавнего присутствия горилл.

Мы приблизились с большими предосторожностями, разделившись на две кучки. Макиуда вел одну, я - другую. Приходилось обойти гранитную глыбу, за которой, как предполагал Макиуда, спрятались гориллы. С ружьем в руке, готовые стрелять, мы подвигались по густой чаще. Взглянув

на моих людей, я удостоверился, что их одушевление было еще сильнее моего.

Мы шли медленно среди кустарника, не смея почти дышать, чтобы не обнаружить нашего приближения. Макиуда повернул направо от скалы, а я - налево. К не-счастью, он слишком расширил круг, и звери приметили его. Вдруг я услыхал странный пронзительный, получеловеческий, полудьявольский крик и увидел четырех молодых горилл, которые бежали в густоту леса. Мы выстрелили, но не попали ни в одну. Мы бросились за ними в погоню, но они знали лес лучше нас. Раз я опять увидел одну гориллу, но она скрылась за деревом, и я не мог выстрелить. Мы бежали опрометью, но напрасно: эти проворные звери ускользали от нас. Не будучи в состоянии догнать их, мы медленно вернулись в лагерь, где женщины ждали нас с беспокойством.

Признаюсь, я почти чувствовал волнение человека, совершающего убийство, когда увидел горилл в первый раз. Они страшным образом походили на мохнатых людей, убегающих для спасения жизни! Прибавим к этому страшный крик, который хотя и дикий, но имеет, однако, что-то человеческое в своей пронзительности, и мы перестанем удивляться суеверию туземцев относительно „лесных людей”.

В наше отсутствие женщины развели большие костры и все подготовили для ночлега, который, однако, был не так удобен, как в прошлую ночь, но все-таки мы были защищены от дождя. Я переоделся, потому что платье мое было промочено ручейками, через которые мы проходили в пылу наших преследований, и потом сели за трапезу, приготовленную для нас.

Пока мы лежали у костра вечером, прежде чем заснули, мы разговорились о нашем приключении и стали рассказывать любопытные истории о гориллах; я молча слушал рассказ, не относившийся ко мне, и таким образом имел удовольствие слышать то, что иностранцу трудно было бы узнать, расспрашивая.

Один рассказал историю о двух женщинах, которые вместе гуляли в лесу; вдруг громадная горилла появилась на тропинке, схватила одну из женщин и унесла ее, несмотря на крики и сопротивление обеих. Другая вернулась в деревню, дрожа от страха, и рассказала об этом приключении. Ее подругу считали погибшей. Каково же было всеобщее удивление, когда через несколько дней она вернулась в деревню: она нашла возможность бежать!

Несколько лет тому назад из деревни вдруг исчез человек, вероятно унесенный леопардом, и так как о нем не было никаких известий, то

суеверие туземцев выдумало причину для этого отсутствия. Рассказывали и верили, что, прогуливаясь однажды в лесу, он вдруг превратился в громадную и отвратительную гориллу, которую негры часто преследовали и никогда не могли убить, хотя она бродила в окрестностях деревни.

На следующий день мы все отправились на охоту за гориллой. Мы приметили несколько следов этих животных, и к полудню наша группа разделилась в надежде окружить логовище одной из тех, которые оставили очень ясные следы. Я был едва в трехстах шагах от моих товарищ, когда услыхал выстрел, потом еще три выстрела в короткие промежутки. Я поспешил вернуться назад, надеясь присутствовать при смерти одного из этих животных, но опять обманулся в ожидании. Мои друзья выстрелили в самку и даже ранили ее, как я увидел по следам крови, но она убежала. Мы бросились преследовать ее, но чаща была так густа и непроницаема, что погоня за гориллой, даже раненой, имела мало шансов на успех.

Настала ночь, пока мы еще осматривали кусты; надо было решиться переночевать тут и на другой день попытать счастья. Я вообще был доволен. Мы застрелили несколько обезьян и птиц; наши люди изжарили мясо обезьян на угольях, а я воткнул моих птиц на вертел. Провизии у нас было достаточно на завтра.

Мы отправились рано утром и вошли в самую густую и наиболее неприступную часть леса в надежде найти убежище зверя, на которого мне так хотелось напасть. Часы проходили, а гориллы не было ни малейших следов. Вдруг Мионге тихо заклохтал (сигнал, употребляемый туземцами, чтобы обратить внимание на что-нибудь неожиданное); в то же время впереди меня послышался шум ломаемых ветвей.

Это была горилла! Я угадал это сейчас по решительному и довольноому виду моих товарищ. Они старательно осмотрели свои ружья, и я также осмотрел свое; все было в порядке; потом мы осторожно подвинулись вперед.

Странный шум ломаемых ветвей продолжался. Мы шли очень тихо, соблюдая глубочайшее молчание. Можно было судить по физиономиям людей, что они считали это предприятие чрезвычайно серьезным. Мы продолжали идти вперед и наконец увидели, как качались густые ветви и молодые деревья, которые громадный зверь вырывал, вероятно, для того, чтобы срывать ягоды и плоды.

Вдруг, пока мы ползли среди тишины, и только слышалось наше дыхание, в лесу раздался страшный крик гориллы. Потом кусты раздвинулись с обеих сторон, и мы столкнулись с громадной гориллой-самцом. Она прошла чащу на четвереньках, но когда заметила нас,

выпрямилась во весь рост и смело на нас посмотрела. Она находилась в пятнадцати шагах от нас. Этого появления я не забуду никогда. Она казалась около шести футов, тело было громадное, грудь чудовищна, руки невероятной мускульной силы; большие серые и впалые глаза сверкали диким блеском, а морда имела дьявольское выражение. Таким явился перед нами царь африканских лесов.

Наш вид не испугал гориллу; она стояла на одном месте и била в грудь кулаками, так что она звучала как барабан. Это их манера вызывать врага; в то же время она ревела беспрестанно.

Рев гориллы самый странный и страшный звук, какой только можно услышать в этих лесах. Начинается чем-то в роде отрывистого лая, как у раздраженной собаки, потом переходит в глухое ворчание, буквально похожее на отдаленный раскат грома, так что мне иногда чудилось, что гремит гром, когда я слышал этот крик, не видя гориллы.

Тембр этого рева так странен, что кажется, будто он выходит не изо рта и горла, а из груди и живота.

Глаза гориллы сверкали ярким блеском, пока мы стояли неподвижно и в оборонительном положении. Шерсть на макушке головы стала дыбом и быстро шевелилась, между тем как зверь показывал свои могучие зубы.

Горилла приблизилась на несколько шагов, потом остановилась и опять страшно заревела, снова подошла и остановилась в десяти шагах от нас: и так как она опять начала реветь и яростно бить себя в грудь, мы решились выстрелить и убили ее.

Послышавшееся хрипение напомнило и человека и зверя; горилла упала ничком; тело судорожно трепетало, и несколько минут члены сильно дрожали. Потом все стало неподвижно; смерть сделала свое дело... Я мог свободно рассмотреть громадный труп; в нем было пять футов восемь дюймов, а развитие мускулов, рук и груди обличало громадную силу".

Во время своих продолжительных странствований по лесам, Лаеннек имел несколько раз случай померяться с животными этого рода, и рассказы бывшего моряка долго отвлекали путешественников от сна.

Пирогу не оставляли ни на минуту; через шесть дней окончили работу топором, а на восьмой день, как и предвидел Лаеннек, ее спустили на воду.

Поставленная на два круглых обрубка, лодка без труда скользила до берега, а когда опустилась в воду, ее приветствовали криками „ура". Ее назвали, как было уже сказано, „Надеждой". Все относительно на этом свете, и скромный ствол дерева был в эту минуту драгоценнее для путешественников, чем самое лучшее судно во французском флоте.

Барте и Гиллуа употребляли время на охоту и изучение флоры

верхнего Конго, не теряя, однако, из виду своего лагеря, потому что знали, какой опасности они подвергались.

Каждый день делали они драгоценные открытия в растительном царстве и убивали какое-нибудь животное, редкое или не совсем известное. Когда уставали идти, садились в тени какой-нибудь гигантской смоковницы и начинали мечтать о своих родных и друзьях, которые должны считать их безвозвратно погибшими.

Накануне отъезда, когда они делали последнюю экскурсию, они вспомнили о тех странных происшествиях, которые привели их в пустыню Центральной Африки, и в первый раз, с тех пор как Лаеннек избавил их от неволи, разговор зашел о двух товарищах, оставшихся на рабовладельческом корабле.

— Хотелось бы мне знать, что с ними сделалось, — заметил Гиллуа, — продолжают ли они жить в мире с капитаном корабля.

— Не тревожьтесь о них, — ответил Барте, улыбаясь, — они из Тулона — отечества хитрецов; этого для них достаточно. Они сумеют прожить, приобрести денежки, словом, устроить свои дела и на подводной скале, и на спине кита. Жилиас и Тука принадлежат к категории таких хитрецов, и вы можете быть уверены, что они сумеют устроиться везде. Но если вы тревожитесь о них, можете успокоиться: они теперь наверное находятся во Франции, восхваляя свое мужество и стараясь получить что-нибудь за это.

— Вы думаете, что Ле Ноэль возвратил им свободу?

— Гораздо вероятнее, что этот дьявол кончил ряд своих подвигов на верхушке английской мачты, и что наших двух товарищей освободил фрегат, блокировавший „Осу“ при входе в Рио-дас-Мортес в тот вечер, когда Ле Ноэль, чтобы отомстить за наше покушение к побегу, выдал нас своему другу Гобби.

— Что-то говорит мне, что ваши предвидения не осуществились, любезный Барте. Помните ли, когда мы оставили „Осу“, она разводила пары и приготовлялась уйти ночью. Вы знаете, как она быстра на ходу, и все заставляет думать, что ее попытка должна была иметь успех.

— В таком случае они, должно быть, продолжали свою службу, как лекарь и комиссар на „Осе“, а Ле Ноэль обещал высадить их, едва только продаст свой груз живого мяса на бразильском берегу; теперь они должны быть на пути во Францию, на каком-нибудь атлантическом пакетботе и готовят тот знаменитый доклад морскому министру, который заставляет ходить до слез капитана „Осы“. Я о них не беспокоюсь, любезный друг, и вы увидите, что будущее оправдает мои слова.

Когда молодые люди вернулись в лагерь, Лаеннек показал им с

законным чувством гордости „Надежду", которая с четырьмя веслами была готова к отплытию и качалась в нескольких метрах от берега, удерживаемая канатом из кокосовых волокон. Она была набита хлебными злаками, иньямом и маниоком; захватили также все, что осталось от копченого мяса бегемота.

— Вы видите, что мы ничего не потеряли в перемене. Эта пирога гораздо больше той, которую унесло У нас наводнение, и так как мы можем грести все четверо сразу, то поплыем вдвое быстрее.

— Вы сделали настоящий фокус, любезный проводник, - ответил Барте.

— Благодаря Кунье и Йомби, и их-то особенно должны вы благодарить... Теперь, господа, сядем за нашу последнюю трапезу и проведем последнюю ночь на этом берегу, который чуть было не сделался для нас столь гиблен.

На другой день, на рассвете, „Надежда" пустилась спокойно по течению Конго. Несмотря на великолепные места, путешественники не думали останавливаться нигде. Останавливались только на один час каждый день, чтобы изжарить мясо бегемота на угольях и нарвать диких ананасов.

Беглецы совершили плавание, самое любопытное и самое странное, какое только можно сделать в мире; на протяжении более трехсот миль река была окаймлена непроницаемыми девственными лесами; корни деревьев доходили даже до воды, изгинаясь причудливыми спиралью как тысячи змей; лианы, обвивавшие ветви, спускались опять к земле и висели над рекою, как снасти, обвитые цветами. На этих корнях и на этих ветвях порхали, пели, чирикали мириады птиц с разнообразными перьями, а большие пеликаны, зобастые манакины и разные голенастые, стоя на одной ноге на берегу смотрели на наших путешественников.

Время от времени по вечерам, глухой рев заставлял их вздрогивать: это было гневное приветствие какогонибудь леопарда или льва, утолившего жажду, и спокойствие которого нарушили неизвестные запахи. Тогда Уале приподнимался в лодке и ревел от бессильной ярости, с дрожащими ноздрями; он словно вызывал на бой скрытого врага, который осмеливался таким образом дразнить его.

Через двенадцать дней после отъезда беглецы благополучно достигли устьев Банкоры, вода которой темнозеленого цвета, резко отделялась от воды Конго; последняя, благодаря большим дождям, еще несколько месяцев должна была сохранять желтоватый и грязный цвет. На двадцать миль ниже большая река, уже не окаймленная высокими берегами, орошала

равнины более чем на тридцать миль, смешиваясь с громадными болотами со зловонными испарениями, которые, продолжаясь до океана, делали невозможным, по мнению Лаеннека, всякую попытку добраться сухим путем до берега. Ждать конца наводнения было еще неудобнее, потому что Конго, вернувшись в свое русло, оставила на всей земле, которую покрывала своей водой, такие остатки растительного и животного царства, что даже негров, родившихся в этой стране, несколько месяцев заражала гнилая лихорадка.

Следовательно, не было другого пути, кроме того, который Лаеннек и Кунье указывали с самого начала, и который позволял добраться до реки Огоуе, поднимаясь к экватору, целым рядом плоскогорий и гор, покрытых лесами, но относительно здоровых.

„Надежда“ решительно вошла в Банкору, поднимаясь вверх. Оба берега были покрыты смоковницами.

Известно, что это дерево родом из Центральной Африки, самое драгоценное в тропических странах из высокоствольных деревьев. Наши путешественники могли восхищаться им во всей его красоте, в тех самых местах, где оно родилось. От громадного ствола идут, почти всегда в горизонтальном направлении, ветви, покрывающие большое пространство своими листьями, непроницаемыми для солнечных лучей. Под этой массой зелени легко может укрыться все население деревни. Путешественники находят там приятную стоянку, где могут подышать свежим воздухом, и утолить жажду плодами этого дерева.

Вечером путешественники приметили густой столб дыма над массой зелени, и зрелище это, указывая местность обитаемую, наполнило их радостью, еще увеличившейся от уверенности, что они проехали две трети своего пути.

— Мы подъезжаем к деревне Эмбоза, которую я посещал несколько лет тому назад, — сказал Лаеннек, — и если старый начальник Имбоко не умер, мы можем быть уверены в самом дружелюбном приеме.

Деревня Эмбоза находится почти на границе обитаемой территории, и, поднимаясь вверх по Банкоре, находишь пустыню и девственный лес, который служит убежищем некоторым племенам кумиров, или лесных наездников, всегда готовых ограбить караван и одинокого путешественника.

Это маленькое местечко, заключающее полсотни хижин, принадлежит племени мозиконджей, главное занятие которых состоит в собирании пальмового масла, которое они отправляют два раза в Малимбу. Все живут вместе, и после каждой добычи прибыль делится начальником между

всеми жителями. Для того, чтобы защититься от разбойников, они содержат отряд в двадцать пять человек, хорошо вооруженных оружием, привезенным из Малимбы; отряд этот охраняет деревню в то время, когда население занимается собиранием Масла.

Лаеннек не ошибся. Начальник Имбоко, несмотря на преклонный возраст, был еще здоров, и задолго до того, как пирога подошла к берегу, отправился с частью жителей на берег реки узнать, кто были приезжие.

Пора дождей была неблагоприятна для собирания масла, и все население было в деревне,

Когда старый начальник увидал Лаеннека, он выразил большую радость. Узнав в нескольких словах о событиях, которые привели к нему его друга, он понял, что путешественники, изнуренные усталостью и лишениями, уже пять дней не имели другой пищи, кроме диких плодов, и главное нуждались в отдыхе. Он избавил их от любопытства своих подданных и отвел в свое собственное жилище, которое предоставил им на все время, пока они пожелают остаться в его деревне. Как только Имбоко ушел за провизией, Гиллуа и Барте, изнемогая от волнения, бросились на шею к Лаеннеку. Возвращение не казалось им теперь неосуществимой мечтой.

— Ax! - говорили они, - по вашей милости мы увидим Францию; каким образом можем мы когда-нибудь расквитаться с вами?

Эти трогательные выражения признательности взволновали искателя приключений до глубины сердца; целый мир воспоминаний прилил к его мозгу. Францию, Бретань, деревеньку, где он родился, и которую он не надеялся увидеть, свою мать, умершую вдали от него, - все это он увидал, как в сновидении; склонив голову на свою широкую грудь, он упал на землю и начал рыдать...

Барте и Гиллуа с уважением отнеслись к этой глубокой горести. Уале, услышав, что хозяин его плачет, начал печально визжать.

Но Лаеннек быстро оправился; это была натура железная, которую нравственные страдания не могли долго подавлять.

— Извините меня, - сказал он молодым людям, - есть часы, когда я изнемогаю, как женщина... Наши лишения и наша борьба еще не кончились, и я буду счастлив только когда увижу вас на корабле, который должен возвратить вас вашей родине... Тогда, если я мог оказать вам кое-какие услуги, я, в свою очередь, попрошу вас об одной.

— Не беспокойтесь, мы добьемся вашего помилования.

— Благодарю! Но не об этом идет дело. Там в Плуаре есть одинокая могила, к которой никто не приходит преклонить колени. Это могила моей

матери, умершей от горести, когда она услыхала о моем осуждении; перед вашим отъездом я отдаю вам пальмовую ветвь, которую сорвал на берегу...

Тут голос скитальца начал дрожать до такой степени, что он был вынужден остановиться. Он сделал усилие и продолжал умоляющим тоном, но так тихо, что едва можно было расслышать. - И вы отправитесь... не правда ли, господа, вы это сделаете для меня?... Вы отправитесь положить эту ветвь на землю, где покойится бедная старушка, которой я не мог закрыть глаза...

Последние слова замерли в раздирающем рыдании.

— Довольно! - вскричал он вдруг громовым голосом, ударив себя по лбу...

И прежде чем молодые люди успели ему ответить, он выбежал из хижины как сумасшедший.

Когда он вернулся, несколько минут спустя, он был уже опять спокоен. Имбоко с торжеством следовал за ним, а двенадцать человек несли козленка, шесть жареных цыплят, маниок, маис, хлебные плоды, бананы. Всем этим можно было накормить сто человек.

Добряк воображал, что никогда не будет в состоянии накормить досыта своих гостей.

ГЛАВА III

Праздник. - Озеро Уффа

Наши путешественники отдыхали уже несколько часов, как вдруг их разбудил страшный шум, и Имбоко вошел в хижину с музыкантами и певцами, которые пришли устроить серенаду приезжим. Несмотря на желание начальника дать отдохнуть гостям, он не смел нарушить обычного этикета, потому что это в глазах его подданных не согласовалось бы с законами гостеприимства.

Лаеннек и его товарищи должны были, волей-неволей, присутствовать при странном концерте, который им подготовили.

Мозиконджи, как все другие племена в Африке, не имеют ни малейшего музыкального чутья; колотить, как глухие, в тамтам, свистеть в дудки, - словом, делать как можно больше шума, это для них высшая степень искусства.

Теперь Имбоко превзошел самого себя: он созвал всех своих артистов, и больше двух часов на берегах Банкоры раздавалась африканская музыка.

Как почти всегда бывает у первобытных народов, начальник запевал куплет, который потом повторялся всеми певцами. Музыканты играли, как кому вздумалось, и можно себе представить, как это должно быть приятно для европейских ушей.

Разумеется, пение восхваляло, по обычаю древних, добродетели белых. Таким образом, благородные чужестранцы, удостоившие своим присутствием эту минуту деревню Эмбоза, были сначала представлены как воины, знаменитые в своей стране, обладающие громадным количеством ружей и пороха, и поразившие великое множество врагов. Через несколько минут шум сделался так велик, а нервы его двух товарищей до того раздражены, что Лаеннек пытался прекратить музыку, но напрасно; негры начали тогда воспевать достоинство искателей пальмового масла - добродетель самая главная у них, - потом кончили, расхваливая их ловкость отыскивать яйца черепахи, убивать кайманов и заклинать духов. Они остановились только, когда не могли уже кричать, ни колотить в инструменты, и старшины деревни объявили, что никогда не видали такого прекрасного приема.

Инструменты, употребляемые в этом странном концерте, заслуживают особенного описания. Их было пять: первый, без которого не может происходить никакого празднества, походит на лютню по форме и ручке, но состоит он из очень тонкой кожи, струны сделаны из волос хвоста слона или из пальмовых волокон, натянутых от одного конца инструмента до другого, и прикрепленных к нескольким кольцам; в различных местах от этих колец висят маленькие железные и медные пластинки, издающие различные звуки. Когда дотронутся до струн, кольца шевелятся, приводят в движение пластинки, и из всех этих звуков выходит самая странная какофония, которая восхищает всех дилетантов-негров.

Второй инструмент употребляется для семейных це-заменил ром речью, в которой, расхвалив мужество и добродетели эмбозских жителей, клялся великим Марамбой, что, вернувшись сюда, привезет бочонок драгоценного напитка. Громкие крики „ура“ встретили это обещание. Старый король объявил вечер законченным и пинками выгнал своих подданных. Прежде чем расстаться с друзьями, он повесил у входа леопардовую шкуру, касавшуюся ног статуи знаменитого Марамбы и имевшую дар привлекать расположение добрых гениев и удалять злых. Путешественники могли, наконец, насладиться покоем.

Все негры этой страны очень суеверны и очень привязаны к религии своих фетишей, или мокиссов. Эти божества напоминают древнюю мифологию Востока; одни имеют владычество над ветрами и громом; другие - над лесами, реками, прудами, скотом, здоровьем, счастьем, сохранением слуха, зрения, рук и ног; божества предвещают об опасностях при помощи признаков, которые ганги должны объяснить; они дают победу, поражают врагов и воскрешают мертвых. Каждый кумир обладает властью, лишь ему принадлежащей и сосредоточенной в известных границах.

Мокиссо имеют статуи; одни представляют человеческие лица, другие только палки, убранные наверху или украшенные грубой резьбой.

Негры приписывают этим мокиссо такие же страсти, как и людям, и находят, что им следует всем оказывать одинаковое поклонение, чтобы не прогневать ни одного.

Начальник добрых духов и самый могущественный из всех - Марамба; начальник злых духов - Мевуйя, но так как эти два могущественных бога постоянно враждуют между собой, Мевуйя хочет уничтожить землю и луну, а Марамба их защищает, - то выходит, что они не имеют времени слушать своих поклонников, а потому низшие мокиссо пользуются этим, чтобы привлекать к себе все молитвы; но справедливость требует сказать,

что они принимают их только как посредники и передают своим начальникам молитвы смертных.

Священникам, или гангам, поручено делать и поддерживать статуи мокиссо. Для привлечения толпы, а с нею многочисленных приношений, ганги совершают суеверные обряды, сопровождаемые смешными конвульсиями и гримасами. Каждая местность имеет своего мокиссо, но некоторые пользуются большею славою, чем другие.

Ганги наперебой стараются выставить своего бога и привлекают легковерных самыми искусными штуками.

В Эмбозо был знаменитый мокиссо, который привлекал каждый год после периода дождей тысячи людей более чем за сто миль; приходили из Нижнего Конго, даже из Малимбы.

Этот мокиссо, по народному верованию, основал свое жилище в дупле старого дерева, корни которого входили в воду Банкоры; два раза в год этот мокиссо удостаивал изрекать предсказания и излечивать всех больных, приходивших к нему. Из дупла слышались странные слова, кончавшиеся всегда требованиями маниока, пальмового масла и слоновой кости. Приношения накаплялись около жилища бога, и добрые ганги набирали столько товару, что посыпали караваны, приносившие им большие выгоды.

Вода в реке, протекавшая мимо этого дерева, считалась священной; она имела дар излечивать все болезни, и ганги отправляли ее повсюду в горлянках; во время поры пилигримств они не успевали раздавать воду и брали на помощь жителей деревни. Поэтому жрецы банкорского мокиссо были богачи и возбуждали зависть своих собратьев.

Бесполезно добавлять, что из дупла говорил гангачревовещатель, и что когда мокиссо удостаивал являться глазам своих поклонников, это опять ганга переодевался более или менее странным образом. Но он показывался только немногим, между которыми всегда находились два или три сообщника.

Негры Центральной Африки никогда не путешествуют без мешка с мощами, который иногда весит десять и двенадцать фунтов; это смесь самых странных предметов: кусочков дерева, камешков, зубов кайманов, старого железа; все годится для этого, только бы ганга освятил их; хотя эта тяжесть иногда истощает их силы, они не хотят сознаться, что чувствуют малейшую усталость; напротив, они уверяют, что эта драгоценная ноша делает легче ту, которую они несут.

Освящение этих предметов начинается всегда тем, что кладут мешок со священными вещами на землю; потом ганга садится на циновку, бьет себе колени ремнем из кожи бегемота, бренчит железными погремушками,

которые всегда носит между пальцев, потом бьет себя в грудь, красит себе веки, лицо и другие части тела синей и красной краской, со странными движениями и гримасами, то возвышая, то понижая голос, и повторяя таинственные слова, на которые присутствующие отвечают восклицаниями.

После этого обряда, который длится довольно долго ганга приходит в исступление; надо держать ему руки чтобы охладить его пыл; но когда его опрыснут водой настоенной на некоторых растениях, этот экстаз малопомалу прекращается, ганга уверяет, что мокиссо явился ему и удостоил освятить вещи. Все это оканчивается обильными приношениями.

На другой день по прибытии Лаеннек и его товарищи были свидетелями этих странных обрядов. Король хотел вести их на охоту за кайманами и сначала велел освятить амулеты, предназначенные защищать его отряд от зверей. Волей-неволей Гиллуа, Барте и Лаеннек вынуждены были положить в карман по камешку, а к поясу привесить буйоловый рог.

Они согласились на это, чтобы не прогневать своего старого друга, который уверял, что без этого он не ручается за их безопасность.

По окончании церемонии они отправились с Имбоко и двенадцатью воинами, хорошо вооруженными, к маленькому озеру Уффа, проплыли по реке в пироге и вошли в лес. Уже несколько месяцев жители Эмбозы не делали этой экскурсии, и вследствие дождей лианы и кустарники до того заглушили маленькую тропинку, прежде проложенную, что они не могли идти, и, повернув налево, добрались до прогалины, которая могла скорее довести их до цели.

Вдруг Уале прыгнул, вытянул шею, навострил уши и, по-видимому, прислушивался к отдаленному шуму, которого охотники еще слышать не могли.

— Будьте внимательны! - сказал Лаеннек, - Уале чует хищного зверя.

Чтобы не допустить собаку броситься вперед, Лаеннек крепко держал ее на шнурке.

Скоро послышался шум раздвигаемых ветвей.

— Понго! Понго! - закричали туземцы, дрожа от страха.

— Что это? - спросили Гиллуа и Барте с некоторым беспокойством.

— Горилла, господа, - коротко ответил Лаеннек. - Готовьте ваше оружие, я выпущу Уале.

Собака бросилась в кусты.

Вдруг страшный отрывистый рев, похожий на рев льва и человеческий крик, послышался сзади охотников; горилла обошла своих врагов.

Мозиконджи не ошиблись, - это точно была горилла.

Испуганные негры все бросились наземь ничком. Лишь старый начальник и три европейца остались на ногах, прицелившись в неприятеля. В ту минуту, когда страшным прыжком перескочив через куст, горилла бросилась на маленький отряд, Уале, следовавший за ней, прыгнул и схватил ее за горло; оба врага повалились на землю, и страшная борьба, сопровождаемая свирепым воем, началась между ними.

Стрелять было нельзя из опасения попасть в собаку; Лаеннек ни за что на свете не согласился бы позволить убить своего доброго Уале на своих глазах. Собака вонзила свои могучие зубы в шею гориллы, а та старалась задушить ее, прижимая к своей груди. Бедный Уале уже с трудом переводил дух, и борьба, может быть, кончилась не в его пользу, если бы Лаеннек не бросился вперед и не вонзил свой охотничий нож в грудь гориллы.

Руки животного, пораженного в сердце, тотчас опустились, тихая жалоба сменилась болезненным криком, и, испуская последний вздох, страшное четверукое бросило на своих врагов взгляд, выразивший почти человеческое страдание и глубоко растрогавший путешественников. Они отвернулись, и даже Уале, получивший только легкие раны, оставил в покое своего врага.

Мозиконджи, напротив, выказавшие такую храбрость в час опасности, немедленно прибежали, разорвали гориллу на куски и вымазали себе тело ее кровью; народное верование приписывает крови гориллы силу делать неуязвимыми все части тела, намазанные ею.

Это приключение расстроило все планы, и хотя через несколько минут маленький отряд пришел к озеру, Лаеннек и его спутники видели по тревожным взглядам, которыми люди Имбоко осматривали кусты, что они боялись нового врага, может быть, - самки убитого. Поэтому, когда Лаеннек, не доверявший мужеству негров, предложил им воротиться в Эмбозу, они тотчас бросились по направлению к Банкоре.

Имбоко, хотя чувствовавший к горилле такой же суеверный страх, как и его люди, однако из чувства чести, не хотел оставлять своих гостей; но можно было видеть, что он далеко не был спокоен, и время от времени, чтобы внушить себе мужество, дотрагивался до амулетов, висевших на его поясе и бормотал какое-то заклинание, которому его научили ганги. Нечего было сомневаться, что его воины и он мужественно дрались бы с разбойником или с каким бы то ни было хищным зверем, слоном или носорогом; но горилла внушала им таинственный страх, который имел начало в их религиозных идеях; ганги убедили его, что в теле этого животного обитают злые духи, которые мучат тех, кто попадает в их власть.

Приготовили приманки для кайманов, но негры забыли оставить их, когда убежали; следовательно, ничего нельзя было предпринять с этой стороны, и после прогулки около озера, Имбоко и его гости вернулись к Банкоре. Не успели они еще выйти из леса, как увидели Кунье и Йомби, которых оставили в Эмбозе для приготовления к отъезду. Эти бравые люди, увидев, что негры бегут врассыпную, а главное встревоженные рассказами, которые страх внушил беглецам, взяли ружья и спешili на помощь к своим господам.

Найдя их здравыми и невредимыми, они выказали свою радость разными способами, и это доказательство привязанности и мужества еще увеличило доверие к ним Лаеннека и обоих молодых людей.

Возвращение в Эмбозу произошло торжественным образом. Все жители деревни, мужчины, женщины и дети, ждали чужестранцев и своего короля на берегу Банкоры с громкими восклицаниями, и старый Имбоко за то, что имел мужество остаться с белыми, вырос на сто локтей в глазах его подданных.

Ганги пришли поздравить их и не преминули лицемерно приписать амулетам всю заслугу их спасения.

Лаеннек не мог удержаться, чтобы не показать с улыбкой начальнику гангов свою собаку Уале и свой большой охотничий нож.

— Вот лучшие мокиссо, — сказал он.

Плут, которого никогда нельзя было застигнуть врасплох, ответил хитрым и сладеньkim тоном:

— Все зависит от великого Марамбы, это он дал добруму белому храбрую собаку и большой нож.

Барте и Гиллуа, которым этот ответ был переведен, смеясь обменялись взглядом, который означал: „Не дур" но для негра Конго!... "

Среди всеобщей радости чуть было не принялись за вчерашнюю трескотню; музыканты непременно хотели воспользоваться этим обстоятельством, чтобы дать новый образец своего таланта, и народу, который был рад позабавиться, очень понравилась эта идея.

Но путешественники решили, что отправятся в путь завтра утром, и Лаеннек употребил свое влияние на короля, чтобы ему и его друзьям дали время заняться своими делами. Им повиновались с сожалением, но ганги, никогда не пропускавшие выгодного случая, немедленно устроили религиозную церемонию, чтобы поблагодарить фетишей за чудесное спасение короля и его именитых гостей; и все негры, с музыкантами во главе, устремились к статуе Марамба; ему надавали подарков всякого сорта, к великой радости его служителей, которые набрали в этот день

почти столько же, сколько во время богомолья. Ганга-чревовещатель прерывал время от времени музыку, заставляя говорить идола, который давал предсказания всем тем, кто выделялся ценностью своих подарков.

Таким образом, в Центральной Африке спекулируют на человеческой глупости. Живут трудом других и благоденствуют в ленивой и святой праздности...

В это время Кунье, Йомби и Буана заготовляли провизию и относили ее в пирогу, потому что еще пятьдесят миль предстояло проплыть по Банкоре, прежде чем отправиться сухим путем и бросить навсегда „Надежду", которая спасла им жизнь.

Тroe белых, со своей стороны, чистили карабины, которые должны были доставлять им средства к жизни и защищать их от хищных зверей и людей среди громадных лугов, по которым они будут проходить. На другой день, после церемониального завтрака, на котором присутствовала вся деревня, под тенью гигантской смоковницы путешественники простились со своими хозяевами, чтобы предпринять последнее путешествие, которое, хотя менее продолжительное, чем первое, тем не менее представляло много опасностей.

Имбоко отправил шесть своих воинов проводить путешественников по лесу, наполненному разбойниками кумирами, с приказанием вернуться лишь тогда, когда белые им сами скажут, что они более не нужны. Лаэннек принял это подкрепление с большим удовольствием, потому что Йомби передал ему по секрету (он узнал это от жителей деревни), что в лесах, за пятьдесят миль от Эмбозы, видели негров странной наружности, в которых верный слуга, по описанию, узнал своих одноплеменников.

Лаэннек, задумавшись, спрашивал себя, не прислали ли и сюда лазутчиков фаны, которых они встретили на верхнем Конго, через два дня после своего отъезда из владений Гобби. Он решил, однако, ничего не говорить своим спутникам, чтобы не нарушить их спокойствия, намереваясь предупредить их только ввиду неизбежной опасности.

Когда все было готово, Лаэннек и его два спутника пожали руку старому королю с искренним чувством и заняли на „Надежде" свои обычные места. Шесть мозиконджских воинов, вооруженных с ног до головы, сели, в свою очередь, в лодку, и она отчалила.

— Прощай, Имбоко, — закричал ему в последний раз Лаэннек, — твои люди приведут тебе нашу пирогу; вот все, что мы можем предложить тебе на память; когда вернусь, я привезу тебе подарок более достойный тебя.

— Привези мне костюм белого короля, — сказал Имбоко, дрожа от радости при мысли, что может быть осуществит мечту всей своей жизни.

Все корольки Центральной Африки не имеют более горячего желания, как показаться своим изумленным подданным в костюме швейцара или английского адмирала.

Пирога быстро удалялась. Лаеннек поднес к губам обе руки и крикнул:

— Клянусь тебе головою твоих гангов, что у тебя будет самый красивый костюм во всем Конго!

Он сел, смеясь. Но он мог видеть издали, что его поняли, потому что старый король, несмотря на королевское величие, принялся плясать по берегу довольно живо для своих лет.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РАЗБОЙНИКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКИ

ГЛАВА I

Путь к Мукингаме и экватору. - Исчезновение Буаны

На другой день наши путешественники прибыли благополучно в Гамбу в Мукингаме; перед ними необозримо расстипался лес, и путешественники должны были приготовиться покинуть „Надежду". Они снова должны были проходить по неизведанным, обширным областям, руководясь только довольно смутными воспоминаниями Кунье, который в детстве бывал в этих местах со своим отцом, вожаком невольников, и инстинктом Йомби, который оказался вообще драгоценной находкой.

Шесть воинов Имбоко знали эти таинственные пустыни только по рассказам, которые слышали в своем племени, потому что оставленные со своими товарищами охранять деревню во время периода сбиивания масла, они никогда не ходили в лес. Сказки, которыми им набили головы во время вечеров дождевой поры, принуждавшей всех к бездействию, изображали леса, наполненные лютыми зверями, гориллами, слонами, пантерами, леопардами, боа и, что было может быть еще опаснее, кумирскими разбойниками. Рассказам эмбозских жителей придавало важность то, что каждый год, по возвращении из леса, Имбоко замечал исчезновение одного или двух своих подданных.

Прежде чем идти дальше, Лаеннек, желавший знать, может ли он положиться на преданность людей, которым старый банкорский король поручил защищать его, предложил им вернуться.

— Вы теперь находитесь в двух днях пути от Эмбозы, — сказал он им, — советую вам не идти дальше. Передайте мою признательность вашему королю и отвезите ему лодку, которую мы обещали оставить ему на память.

— Мы останемся с тобой, — ответил Нияди, начальник банкорских воинов, — Имбоко велел нам проводить вас до большой реки озер (так они называли Огоуе), и мы исполним приказание Имбоко.

— Вы не боитесь кумиров?

— Эмбозские жители храбры; они убьют кумиров.

— А горилл? — прибавил Лаеннек, который не мог удержаться от улыбки при воспоминании о приключении у озера Уффа.

Услышав имя страшного животного, Нияди немножко смущился, но

ответил довольно самоуверенно:

— Мы не можем бороться со злыми духами, но ганги дали нам этот мокиссо, и нам нечего их бояться.

Произнеся эти слова, мафук - военный начальник - показал Лаеннеку ожерелье из старых зубов каймана и две куклы из перьев, которые, по его словам, имели силу обращать в бегство страшного понго.

Каждый из воинов был также снабжен большим количеством амулетов, имевших свое особое предназначение: один предохранял от укуса змей, другой - от лихорадки и так далее.

Лаеннек не настаивал; его единственной целью было узнать, как будут держать себя банкорцы с разбойниками, и теперь он был убежден, что может положиться на них.

Итак, маленький караван состоял из трех европейцев, их двух слуг и воинов Имбоко, - всего из одиннадцати человек; и с таким союзником как Уале они могли надеяться благополучно кончить свое опасное путешествие.

Спрятав лодку под тростником, чтобы по возвращении Нияди и его воины могли легко ее отыскать, решили переночевать на берегу Банкоры, чтобы войти в лес на восходе солнца.

По обыкновению был разведен большой костер.

Вечер был исполнен поэзии. Малейший шум повторялся могучим эхом на высоких берегах реки, со всех сторон раздавались странные звуки: крики попугаев и хищных птиц, которые проносились над головами путешественников бесчисленными стаями, и любопытство которых подстрекал свет, бросаемый костром в темноте; крики обезьян, перепрыгивающих на густых вершинах и иногда осипавших дождем листвьев и плодов путешественников, нарушавших тишину и жилища; неясное журчание Банкоры, плеск рыбы, выплывавшей на поверхность подышать воздухом, жужжение тысяч насекомых в траве и под листьями... К этим пронзительным крикам, ко всему этому шуму присоединялся рев зверей, шум, производимый тяжелыми бегемотами при погружении в воду, и стоны кайманов, прятавшихся в высокой траве на берегу. Ночные птицы прилетали к огню, потом быстро улетали со зловещим криком.

В два часа утра Уале начал глухо ворчать, выказывая признаки гнева. Лаеннек, проснувшись, заметил одного из людей Нияди, ползком направлявшегося в лес.

— Что нового? - спросил он у Нияди, который ни на минуту не переставал караулить.

— Йомби и один из моих людей пошли разузнать.

— Ты опасаешься чего-нибудь?

— Один из караульных пошел напиться у ручейка, несколько ниже впадающего в Банкору, и вернувшись сказал, что видел кумиров.

— Ты не думаешь, что от страха он принял какойнибудь ствол дерева за разбойников?

— Иненга убил больше кумиров, чем в этом мокиссо есть каймановых зубов. Иненга начальствует, когда Нияди в отсутствии, а с твоим невольником пошел он; ты можешь спокойно заснуть, - нечего опасаться, когда Иненга на ногах.

Через час оба вернулись, они не видали ничего, что могло бы оправдать подозрение; однако Иненга принес сломанную стрелу, которая по-видимому не долго лежала в высокой траве, и этот признак, достаточный для того, чтобы обнаружить присутствие человеческих существ в этом лесу, побудил путешественников действовать чрезвычайно осторожно в их опасном путешествии.

На рассвете, захватив провизию, оставшуюся в лодке, они мужественно вошли в лес. С проницательностью негра, Кунье утверждал, что надо держаться солнца с правой стороны, в продолжение четырнадцати дней; по крайней мере, так поступал караван, в котором он некогда участвовал. Через три-четыре дня они должны были прибыть в страну, населенную земледельческим племенем, которое Кунье называл ассары или ассиры и среди которых он провел три месяца, излечиваясь от раны на ноге, между тем как его спутники дошли до озера Замбы, куда ходили за невольниками.

По описанию страны и жителей, Йомби объявил, что проходил эту страну вместе со своими во время экспедиции, которая привела их к Конго, и что оттуда понадобится не более пяти или шести дней, чтобы добраться до Огоуе. С большой радостью Гиллуа и Барте узнали эти подробности и ждали конца их продолжительного и опасного путешествия.

Несмотря на опасения, пять первых дней для путешественников прошли довольно спокойно. Путники должны были только держаться постоянно с правой стороны солнца и хорошенько караулить по ночам, чтобы не быть застигнутыми разбойниками; каждый вечер они выбирали прогалину для ночлега, и закутывались в свои одеяла недалеко от костра, который каждый негр поддерживал поочередно, когда стоял на карауле.

Но ничто не могло выбить из головы Нияди, что за ними издали следуют кумиры, и наместник Имбоко приписывал то, что разбойники оставляют их в покое, сначала мокиссо, которыми он снабдил себя, потом присутствию белых, которые всегда внушают суеверный страх жителям

Африки.

Уале, по-видимому, разделял его мнение, потому что часть ночи вертелся и ворчал, и хозяин не всегда умел заставить его молчать. Правда это приписывалось соседству крупных зверей, едкие испарения которых собака воспринимала, несмотря на дальность расстояния.

Как бы то ни было, Нияди зорко караулил по ночам, отыхая часа два на закате солнца, а днем распоряжаясь путем, направление которого Лаеннек предоставил вполне ему.

Таким образом он спас тех, которые были ему поручены, от верной смерти.

Утром на шестой день они прошли уже несколько часов, когда увидали огромное болото, составлявшее как бы озеро зелени среди леса. В лесу дорога караванов, по которой они постоянно следовали, обозначалась время от времени деревьями, срубленными на восемь или десять футов от земли, но на берегу болота все следы исчезли. Путешественники решились обогнуть болото с левой стороны. Едва сделали они несколько шагов, как Нияди, шедший впереди, попятился назад и закричал громким голосом:

— Остановитесь, мы попадем в засаду! Все немедленно повиновались.

— Посмотрите, — продолжал Нияди, — там где тропинка сужается, между лесом и речкой, не видите ли вы, что трава на некотором пространстве не так густа и не так зелена, как окружающая ее? Ну, эта трава, начинающая высыхать, брошена тут не далее как час тому назад, и прикрывает ловушку для слона, может быть вырыта кумирами с тем, чтобы заставить нас попасть туда и тем легче овладеть нами.

— Почему ты предполагаешь, — перебил Лаеннек, — что эта ловушка приготовлена для нас? Мы не караван купцов, у нас нет ничего, чем бы прельстить лесных разбойников.

— У вас хорошее оружие, — ответил Нияди, — и если кумиры видели его, то они употребят все на свете, чтобы захватить его. А ловушка, находящаяся напротив нас, если не вырыта разбойниками, чтобы захватить нас безопасно, то она обнаруживает присутствие в этом лесу охотников за слонами, и тогда мы недалеко от их стана.

Произнося эти слова, Нияди, чтобы доказать свою проницательность, схватил обеими руками ствол сухого дерева, находившегося на опушке леса и бросил его вперед; ствол, падая, увлек за собой бамбук, листья и траву, покрывавшие ловушку, и путешественники увидали перед собой большую яму...

Это была ловушка для слонов!

— Я думаю, что твое последнее предположение справедливо, — сказал

тогда Лаеннек, - в этих местах есть охотники за слонами. Кумиры не так глупы, чтобы расставлять нам подобные ловушки; они знают очень хорошо, что одиннадцать человек не могут идти рядом по этой тропинке, и что если бы один из нас упал в яму, то другие немедленно вытащили бы его.

В эту минуту, как бы подтверждая это мнение, глухой и болезненный, как жалоба, крик послышался впереди путешественников, которые вздрогнули и переглянулись.

— Во вторую ловушку попался слон, - сказал Йомби, которому была известна охота за этими животными.

Прежде чем путешественники опомнились от удивления, человек сто негров, совершенно голых и вооруженных копьями и стрелами, вышли из чащи по другую сторону ям и бежали к путешественникам, крича и размахивая руками. Путешественники прицелились, но, приметив, что наружность негров выражает скорее удивление, чем неприязненные намерения, стрелять не стали.

Нияди немедленно узнал в неграх жителей Уади, охотников за слонами и бегемотами и закричал, чтобы они приблизились без опасения.

Бедняки прибежали с пением и плясками: они думали, что имеют дело с купцами, а так как около двух лет тут не проходил никто, то у них накопилось громадное количество слоновой кости, которую они не знали куда девать. Приметив белых, они остановились в изумлении; некоторые даже выказывали признаки глубокого страха. Они никогда не видали людей этой расы; эта пустынная и удаленная от берега страна, имела сношения только с купцами-неграми.

— Не бойтесь, - сказал им Иненга, - эти добрые белые хотят посетить вашу страну.

Кунье, в своем путешествии, которое происходило двадцать лет назад, не мог встретить это племя, недавно пришедшее к этим болотам, где живут многочисленные стада бегемотов.

Успокоенные этими словами, добрые туземцы бросились к ногам белых и умоляли навестить их короля.

Предложение было принято. Проходя мимо второй ямы, откуда раздался стон, удививший их, Лаеннек и его спутники заметили великолепного черного слона, испускавшего последний вздох. Он был весь пронзен ядовитыми стрелами, и чтобы ускорить его кончину, жители Уади, проходя мимо, пустили в него еще тучу стрел.

Барте и Гиллуа отвернулись; вид этого умного и в сущности кроткого колосса, испускающего последний вздох, тронул их до слез.

Деревня, в которой жило племя Уади, называлась Иноа. Прибытие

белых вызвало там очень большое волнение, и король такой же голый и такой же убогий по наружности, как его подданные, удостоился выйти навстречу чужестранцам.

Велико было его разочарование, когда он узнал, что имеет дело не с купцами, и что ему придется ждать другого случая, чтобы возобновить запасы рома, пороха и мелкого стеклянного товара; но, несмотря на это, он принял их хорошо и дал на другой день утром столько иньamu и маниоковой муки, сколько они могли взять с собою.

Эта остановка доставила путешественникам драгоценные сведения. Очи действительно узнали, - это делало немалую честь проницательности Нияди, - что эти места были наполнены кумирами; не проходило и дня, чтобы жители Иноа не имели дела с ними. Кроме того, прежде чем прибудут в страну Ассира, они должны встретить большую деревню фанов, которые поселились в обширных равнинах и мирно занимались земледелием.

Вечером они с обычными предосторожностями остановились на берегу ручья, и место показалось им столь очаровательно, что они прекратили путь за два часа до заката солнца.

Лаеннек воспользовался этим, чтобы пойти с Кунье убить несколько птиц для ужина, и между тем как Йомби и два солдата Нияди набирали дров для костра, Буана начала ловить раков, замеченных ею в речке. Занимаясь этим, молодая негритянка не обратила внимания на то, что неблагоразумно удалялась от тех, кто мог ее защитить, и думала только о том, чтобы приготовить своему господину его любимое блюдо.

Наполнив корзину раками, она отправилась в обратный путь. Солнце быстро склонялось к горизонту, лес принимал странные оттенки; не слыша более голосов своих товарищей, Буана бросилась бежать, чтобы скорее вернуться к ним. Вдруг четыре негра, странно татуированные, выскочили из чаши и, пригрозив убить негритянку, если она вскрикнет, потащили ее в чащу леса.

Исчезновение Буаны заметили только, когда вернулись Лаеннек и Кунье. Всякий занимался своим делом, и потому ее отсутствие осталось незамеченным.

Сначала думали, что она находится в нескольких шагах, черпает воду или собирает дикие плоды; но когда ее звали с четверть часа, не получая ответа, догадались, наконец, об ужасной истине.

— Ее похитили кумиры, - сказал Нияди, - а кумиры едят человеческое мясо...

При этих страшных словах Лаеннек не мог удер-жаться от рыдания:

этот железный человек едва не лишился чувств, узнав, какая участь угрожала той, которая спасла ему жизнь в Сан-Паоло-де-Лоанда.

— Надо на все решиться, чтобы вырвать ее у похитителей, - вскричал Барте и Гиллуа.

— Благодарю, господа, - ответил Лаеннек, быстро оправившись, - я именно этого ожидал от вас... Мы помогли бы и всякому из наших близких в подобных обстоятельствах, но Буану я спасу или умру, потому что обязан заплатить ей самый священный долг - долг признательности!

— Надо действовать быстро, - перебил Нияди, - завтра будет поздно. Как только солнце закатится, кумиры напьются пальмового сока, и Буану съедят в нынешнюю ночь.

— Располагайте нами! - воскликнули молодые люди.

Кунье и Йомби плакали, сжимая с бешенством кулаки.

Уале ворчал.

— Возьмем и собаку, - сказал Лаеннек своему негру, - она скоро понадобится нам.

ГЛАВА II

Тревожная ночь. - Мщение Уале

— Господа, - сказал Лаеннек молодым людям, - я вынужден потребовать от вас полного повиновения.

— Даём вам слово.

— Мы отправимся сейчас, но вы с нами не пойдете.

— Вы думаете, что у нас не достанет мужества бороться с этими лесными врагами? - ответили Барте и его товарищ, почти обидевшись.

— Прошу вас, господа, выслушайте меня и повинуйтесь; мы не можем терять ни одной минуты. Я слишком хорошо знаю ваше мужество, но не имею возможности принять ваше содействие, так как вы стесните нас ночью в девственном лесу. Я даю вам поручение, может быть еще опаснее.

— Какое?

— Оставаться здесь без огня, чтобы не привлечь разбойников, не имея другой защиты, кроме вашей собственной энергии, против хищных зверей, которые могут на вас напасть; вы будете охранять провизию во время нашего отсутствия.

— Хорошо, мы остаемся.

— Я подам вам совет, господа. Не удаляйтесь от этого баобаба, ветви которого касаются земли, и при малейшем шуме укройтесь в дупле дерева...

— Спасибо. Мы как-нибудь справимся с обязанностью караульных, - ответили они с оттенком иронии.

— Господа, вы огорчаете меня, вы молоды, пылки, вам кажется унизительно оставаться в бездействии... Но все же, рискуя оскорбить вас, я должен вам сказать, что вы не можете идти с нами, потому что ваша неопытность в лесной жизни навлечет на нас неминуемую смерть, а Буану мы не спасем...

Рыдание заглушило последние слова в горле Лаеннека.

— Извините нас, - сказали молодые люди, опомнившись, - уходите, мы последуем вашим предписаниям и исполним нашу обязанность.

Лаеннек дал понюхать Уале одну из вещей Буаны и пустил его. Умная собака бросилась к ручью, где нашла следы молодой негритянки, и

медленно побежала по берегу, время от времени оборачиваясь посмотреть, идут ли за ним; за Уале шли Лаеннек, Кунье и Йомби с карабинами в руках; Нияди и его шесть воинов замыкали шествие.

Через четверть часа маленький отряд дошел до того места, где напали на Буану. Собака с редким чутьем тотчас повернула от берега направо в кустарник, куда ее хозяин пошел за нею со всем отрядом.

Оставшись одни, Барте и Гиллуа собрали весь багаж каравана к подножию баобаба, зарядили карабины и сели друг возле друга на огромном корне, который от ствола дерева горизонтально нагибался над землей.

Была великолепная тропическая ночь, наполненная благоуханием цветов и щебетаньем птиц. Точно все живые существа в траве, под листвой, в воде прежде чем отдохнуть от дневного зноя соединились в общем хоре, чтобы приветствовать прохладу ночи, и если бы время от времени крик леопарда или черной пантеры, отыскивавших пищу, не напоминал молодым людям положение, в котором они находились, они предались бы поэтическим грезам, которые внушала природа. Но неожиданное происшествие, связанные с которым они не могли предвидеть, и которое может быть должно было остановить их путь и перевернуть все планы, немало способствовало тому, чтобы вернуть их к действительности.

Часы проходили медленно и тоскливо; напрасно прислушивались они, не услышат ли какой-нибудь звук, который мог бы объяснить, в каком положении находятся их товарищи, - ничто не нарушало величественного молчания девственного леса... Одна за другой смолкли певчие птицы, стихло жужжание насекомых в высокой траве; от света луны, медленно продвигавшейся на горизонте, каждый куст принимал таинственные очертания; лишь вершины деревьев были освещены, а стволы и нижние ветви принимали в темноте фантастические формы...

Молодые люди были храбры и готовы на все, но среди этого полного одиночества они не могли избавиться от смутного опасения, от того страха, который овладевает самым мужественным человеком, когда он чувствует себя окруженным неизвестными врагами и опасностями, которых не может определить.

Вдруг рев, гораздо ближе чем они слышали в первые часы ночи, заставил их вздрогнуть.

— Точно крик леопарда, - тихо сказал Барте. Только он произнес эти слова, как страшное животное снова огласило лес своим ревом.

— Он, кажется, приближается к нам, - сказал Гиллуа.

— Может быть, он идет пить к ручью... Послушайте... он теперь от

нас не более чем в ста метрах.

— Он как будто колеблется...

— Он, должно быть, почуял нас и инстинктивно замедлил путь, чтобы отдать себе отчет, какого врага встретит.

— Вы расположены последовать совету Лаеннека?

— Не думаю, - поспешил ответил Барте, - чтобы французским офицерам с хорошими карабинами прилично было прятаться на дерево от какой бы то ни было опасности.

— В таком случае приготовим оружие, потому что через две минуты он бросится на нас...

Молодые люди стали на одно колено, чтобы лучше прицелиться, и ждали.

В двадцати шагах от них журчал ручеек в своем тинистом ложе.

— Сначала вы, - сказал Гиллуа своему товарищу, - вы стреляете лучше меня.

Только он произнес эти слова, как леопард одним скакком очутился на берегу ручья.

Очнувшись лицом к лицу с молодыми людьми, зверь с минуту колебался; но это продолжалось недолго, и он прыгнул вперед, когда Барте выстрелил.

Леопард страшно заревел, хотел броситься на своих врагов; но видя, без сомнения, что силы оставляют его, вернулся в лес, побуждаемый инстинктом самосохранения.

— Он смертельно ранен, - сказал Гиллуа своему

Другу- Забыв всякое благородство, они побежали осмотреть место, на котором стоял зверь.

Берега речки, на которых не было никаких кустов, были освещены луной, и большая лужа крови показала молодым людям, что зверь был тяжело ранен.

— Его не надо упускать, - сказал Барте, - я уверен, что он испустит последний вздох в нескольких шагах отсюда.

Оба друга с карабинами в руках вошли в лес, соблюдая все предосторожности: они знали как ужасна ярость раненых зверей.

Сначала они шли довольно легко по следам зверя на траве, усеянной кустами; но на конце прогалины тень от больших деревьев не позволила им ничего видеть.

Они колебались войти в лес, но самолюбие Барте было задето.

— Леопард не может быть далеко, - сказал он своему товарищу, - мы не можем бросить наш трофей... Лаеннек увидит, что рука и голова у нас

крепче, чем он думает.

Гиллуа сделал несколько замечаний, но видя, что его товарищ не обращает на них внимания, решился следовать за ним.

После пяти минут бесполезных поисков, чаща сдела-лась до того густая, что почти невозможно было идти, молодой флотский офицер объявил прямо своему товарищу, что он не пустит его ни шагу дальше, что преследовать хищного зверя в глубокой темноте - просто безумие, и что благоразумие предписывает им немедленно вернуться назад.

Барте уступил с сожалением, и оба друга вернулись по направлению к речке, на берегу которой остановился караван, думая что они удалились от нее не более как шагов на двести.

Каково же было их удивление, когда через несколько минут они заметили, что лес все сгущается. Они должны были остановиться перед густой завесой лиан и ползучих растений всякого рода, которые, переплетаясь с одного дерева к другому, составляли непреодолимую преграду.

— Мы заблудились... - сказал Гиллуа, задрожав.

— Это невозможно! - ответил Барте. - Мы едва отошли от берега.

— Вы видите сами, куца мы зашли.

— Прислушаемся, может быть журчание ручейка позволит нам ориентироваться...

Но они прислушивались напрасно: ничто не нарушало тишины, среди которой было бы слышно даже падение листа.

После двух или трех бесполезных попыток отыскать дорогу, они остановились, чтобы посоветоваться, на что решиться.

Рассудив, по расчету времени, что они не могли далеко отойти от берега, они решили остаться до рассвета на этом месте, будучи уверены, что при первых лучах солнца легко отыщут дорогу.

В нескольких шагах от них находилось старое гигантское дерево; уцепившись за нижние ветви, они легко добрались до середины дерева, и расположились там поудобнее, чтобы провести ночь.

Было два часа утра, луна скоро исчезла, унеся с собою скучный свет, пробивавшийся сквозь своды леса, и оба друга скоро не могли даже различить ветви, на которой сидели.

Среди этой тишины и темноты, под влиянием различных волнений вечера, в ушах у них жужжало, и кровь приливалась к мозгу; с ними сделалось головокружение, когда вдали послышался шум раздвигаемых кустов и радостный лай, раздавшийся в их ушах, как самая приятная музыка.

— Уале! - воскликнул Барте.

— Мы спасены! - ответил Гиллуа.

Они тотчас начали звать. Им ответил мужественный голос Лаеннека.

— Где вы? - кричал он. - Вот уже полчаса как мы ищем вас.

Молодые люди соскочили наземь и бросились на шею своему спасителю.

В нескольких словах сообщили они ему, что случилось.

— Вы сделали большую неосторожность, - ответил Лаеннек, - вас мог растерзать леопард, который был тем опаснее, что вы его ранили; без Уале, который нашел ваш след, вы непременно погибли бы. Только туземцы умеют находить дорогу в этих густых лесах; мы непременно пошли бы вас отыскивать, но без этой славной собаки, лишь случай мог направить нас в вашу сторону.

— А Буана? - воскликнули молодые люди.

— Спасена! Уале прямо привел нас к кумирам, и мы поспели вовремя, чтобы избавить Буану от ужасной участи, ожидавшей ее... Ниади и его солдаты делали чудеса, а собака загрызла двух разбойников. Костер был уже разведен и бедную девушку собирались зарезать, когда мы пришли. Она была привязана к дереву, полумертвая от страха. Заметив огонь, я взял Уале на привязь, и мы подходили без шума, когда Кунье испустил крик тано; услышав этот знакомый сигнал, Буана мужественно подняла голову; это была помощь, это было освобождение, и не прошло двух минут, как мы накинулись на похитителей. Половина - всех их было человек двадцать - была убита, остальные убежали. На пора вернуться в наш стан. Со мной пошли только Кунье и Йомби; мы возвращались, когда услыхали ваш выстрел, и предположили, что вы должны быть недалеко... Пойдемте, я расскажу вам дорогой подробности нашей экскурсии.

Добрые негры, услышав свои имена, поспешно подошли, и чтобы выражить свою радость, схватили руки молодых людей и приложили их к сердцу.

Через несколько минут маленький караван был опять в полном составе.

ГЛАВА III

Король Рембоко. - Прибытие к ассирам

Солнце едва позолотило вершины высоких деревьев, когда путешественники продолжали путь. Они серьезно опасались, чтобы кумиры не явились отомстить за смерть своих товарищ, а опасность была для них тем больше, что они не могли скрыть свой путь по лесу, будучи принуждены постоянно следовать по дороге караванов.

В первые пять дней они едва останавливались принять пищу, отдыхали только несколько часов, и продолжали путь с восходом луны, чтобы возможно скорее уйти от своих врагов.

Но мужество не было добродетелью лесных разбойников, путешественники ничего более не слыхали о них.

В конце седьмого дня пути путешественники поняли по различным признакам, что путь их по пустыне кончается: тропинка сделалась шире, лес не так густ; на каждом шагу попадались деревья, срубленные рукой человека, и, вероятно, предназначенные для построек туземцев. Все показывало, что скоро путники дойдут до обитаемых мест.

Действительно, на другой день в десять часов утра они вдруг увидели обширную равнину, засаженную маниоком, иньямом и бананами и орошаемую широкой, глубокой рекой, которая текла по направлению к западу.

На расстоянии двух ружейных выстрелов, группа туземцев нагружала в пироги, прикрепленные к берегу, корни маниока и плоды.

— Это люди моего племени, - сказал Йомби.

В ту же минуту негры заметили путешественников и побежали к ним навстречу с громкими криками. Когда они увидали трех белых, удивление их не знало границ, и приняв их за духов, они бросились к их ногам. Очевидно, они никогда еще не видали людей этой расы.

Йомби тотчас рассказал им, что вел посланных великим духом Майякомбо, которые захотели посетить страну фанов, и что их прибытие принесет счастье людям этого племени.

Бедняги, вне себя от восторга, предложили белым духам немедленно отвезти их к своему королю, который жил в большой деревне Эноге,

немножко повыше на реке.

Предложение их было принято. Лаеннека и его спутников усадили в большую пирогу, в которой без труда могло поместиться человек пятьдесят. Все фаны поместились в другие пироги, и маленькая флотилия отправилась. В десять часов вечера остановились у маленькой деревни, и вместо того, чтобы приблизиться к берегу и выйти, держались подальше от берега, потому что эта страна повиновалась разным королям, и фаны боялись, чтобы не заставили белые остановиться здесь, прежде чем они привезут их к своему королю Рембоко.

Течение реки, насколько путешественники могли судить, шло теперь к северо-западу, почти по прямой линии, а берега были такие низкие, что трава как будто сливалась с водой.

На восходе солнца путешественники могли восхищаться редкой плодородностью проезжаемых ими мест; в первый раз заметили они древокорник между другими деревьями, составлявшими грациозные боскеты среди плантаций сорго и сахарного тростника.

На обоих берегах реки виднелись жилища; бананы, инъям, сахарный тростник обрабатывались в этих полях в широких размерах.

Кунье не мог опомниться от удивления, потому что эти места были необитаемы, необрабатываемы, когда он проходил тут первый раз.

— Вот племена фанов, — сказал Барте, — которые вместо того, чтобы идти с железом и огнем в руках, по своей привычке, сделались пастухами и земледельцами.

— В этом нет ничего необыкновенного, — ответил Гиллуа, — загляните в историю и вы увидите, что везде свойство почвы решало характер эмиграции. Кочующие арабы создали в Испании высокую культуру средних веков; норманны, моряки, прельщеные зелеными равнинами северо-западной Галлии, отказались от своих странствований, чтобы обрабатывать землю и выращивать скот, и заменили сикеру [2] сидром. Африка не избегнет этого закона, и повсюду, где мы найдем плодородную землю, мы встретим земледельческое население.

Хотя большая часть прибрежных жителей имела довольно мирную наружность, фаны, взявшие на себя охрану маленького каравана, принимали величайшие предосторожности; у них всегда часовые наблюдали за берегами, стоя в лодке с копьем в одной руке, с ножом — в другой.

Утро было пасмурное и печальное, густой туман, поднявшийся после восхода солнца, вынудил туземцев остановиться до тех пор, пока он не рассеялся. Они приближались к устью другой реки, на берегу которой

находилась деревня Эноге, и фаны боялись проехать ее, не заметив. Когда туман рассеялся, они могли довольно быстро войти в реку, орошающую владения Рембоко, и в половине дня один из фанов вскрикнул, указывая на высокие деревья, бывшие еще довольно далеко:

— Вот наша страна.

Проехав низкий и плодородный остров, они скоро достигли большого болота, перерезанного маленькими каналами, и один из них, расчищенный от тростника и водяных растений, привел их к деревне Эноге. Там стояло множество судов на якоре, возле которых стали и они, и послав гонца к королю, ждали, чтобы он объявил им свою волю.

По возвращении гонца, они вышли на берег, и их отвели в хижину из желтой глины, довольно хорошо построенную и покрытую пальмовыми листьями. Перед фасадом была маленькая веранда, поддерживаемая деревянными колоннами, а на полу лежали циновки. Опрятный вид этой хижины, столь непохожий на то, что обыкновенно видишь у негров, прельстил их. За ними скоро пришел посланный от короля, вывел их за город по тропинкам к наружному двору дворца, у дверей которого стояла безобразная статуя фетиша. Они прошли первый двор и очутились на другом дворе, гораздо большем, окруженном галереями, где женщины плели циновки. Напротив входа во дворец возвышалась земляная эстрада, покрытая циновками разного цвета, и большим куском красного сукна. На каждом углу стояла на коленях маленькая фигура, сделанная из глины. Их оставили тут среди толпы вооруженных людей.

Через несколько минут король деревни Эноге явился перед нами. Это был молодой человек с выразительной физиономией, кроткое и открытое лицо и пылкий взгляд которого выражали скорее ум и живость, чем свирепость, которую путешественники ожидали встретить.

Он смотрел на них несколько минут с величайшим удивлением и вскрикнул:

— Вот белые духи, которые носят с собой гром, и о которых мой отец столько мне говорил!

Подозвав невольника, он просил путешественников поразить его громом сию же минуту.

— Белые убивают человеческое существо только ради защиты, — ответил Лаеннек через Йомби, который служил переводчиком.

Потом увидав коршуна, тяжело летавшего над двором, Лаеннек быстро прицелился из своего карабина, выстрелил, и птица упала среди стражей Рембоко.

При звуке выстрела все негры, пораженные ужасом, бросились наземь

ничком, - потому что огнестрельное оружие им было неизвестно, - и увидев падающую птицу, думали, что настала их последняя минута. Хотя рассказ отца, который когда-то ездил в Габон, приготовил Рембоко к этому, король все же был более взволнован, чем хотел это выказать, и сказал серьезным голосом:

— Вы те духи, которых посещал мой отец. Вы обещали навестить его в Эноге, но слишком медлили; старый король переселился уже четыре года в страну облаков. Добро пожаловать, вы даете смерть и жизнь!...

Потом с той подвижностью ума, которая составляет отличительную черту его племени, он просил трех белых возвратить здоровье его матери, которая умирала в углу его дворца.

Лаеннак с большим трудом растолковал ему, что они не имеют никакой власти над жизнью людей.

— Твоя мать умирает вероятно от старости, - сказал он, - и ничто не может отсрочить этот час, который настает для всех.

— Нет, она умирает не от старости, - ответил Рембоко, - великий жрец фетишней объявил, что ее околдовали, и так как белые не хотят уничтожить колдовство, то сегодня же вечером виновные будут казнены.

Костюм короля фанов был престранный; шапка в виде сахарной головы была так украшена рядами кораллов и кусочками разбитого зеркала, что невозможно было узнать, из какой материи она сшила; шея и грудь также были покрыты рядами кораллов так густо, что королю трудно было дышать. Пять коралловых четок спускались до колен; костюм дополнялся куском красной материи, которой были обернуты бедра, и за которую были заткнуты сабля и четыре ножа. На руках и икрах были браслеты из старых медных пуговиц. Этот костюм возбуждал восторг подданных каждый раз, как Рембоко удостаивал показываться в нем своему народу.

Прием кончился заверением Рембоко, что его белые друзья могут поступать в его владениях, как у самих себя, и упрашивал их как можно более остаться в Эноге.

Вечером, когда путешественники отдыхали в хижине, отведенной им королем, они услыхали громкие крики с аккомпанементом тамтама, раздававшиеся, по-видимому, с главной площади города; любопытство побудило их следовать за толпой, стекавшейся туда. О'Конда, мать Рембоко, умерла, и Куенга, великий жрец фетишней, приготавливаясь заставить заговорить статую великого Майякомбо, чтобы узнать тайных врагов, убивших мать короля своим колдовством. Все жители деревни, даже женщины и дети, вооружились, чтобы напасть на виновных.

Раскинув свои палатки на границе лесов Мукангама, фаны, не оставив

своих воинственных нравов, приняли обычай пастушеских народонаселении этих стран, и всем фетишам страны отдавали равную почесть. Поэтому во всей Центральной Африке нельзя было найти ни одного города, в котором было бы столько фетишей, как в Эноге.

Куенго велел принести на площадь статую великого Майякомбо и всех фетишей, составлявших свиту бога, и объявил толпе, что если приговоры неба не будут исполнены немедленно, самые великие несчастья обрушатся на деревню.

Толпа единогласно отвечала, что готова отомстить неизвестным колдунам за смерть матери короля.

Но великий жрец, находя толпу недостаточно возбужденной, обещал раздать амулеты против яда, хищных зверей и боли в животе тем, кто более отличится в преследовании преступников.

— Что они будут делать? - спросил Гиллуа Лаеннека.

— Я сто раз видел эту комедию, - ответил Лаеннек, - великий жрец Майякомбо просто хочет освободиться не только от своих личных врагов, но и от всех тех, положение которых возле короля может ему вредить, указав на них как на колдунов.

— А мы разве должны присутствовать равнодушно при этой сцене?

— Да! Если дорожите жизнью... Достаточно, чтобы один из этих лицемерных жрецов указал на нас как на околовавших О'Конду, и нас убьют сейчас. Мы совершенно бессильны остановить убийства, которым будем свидетелями против воли.

— Кто нам мешает в таком случае вернуться в нашу хижину? Вы, вероятно, не более нас, любезный Лаеннек, чувствуете желание присутствовать при таком печальном зрелище?

— Оглянитесь и вы увидите, что невозможно пробраться сквозь окружающую нас человеческую преграду.

Против воли они вынуждены были ждать конца драмы.

Куенго, как предвидел Лаеннек, указал народной ярости на пять человек, самых могущественных своих врагов, которых он не посмел бы обвинить, если бы дело шло о смерти человека обыкновенного; но всем казалось естественно, что мать короля была убита колдовством людей, служивших при дворе. Как только они были названы, их тотчас растерзали на куски...

Обвинение в колдовстве в Центральной Африке - самое тяжкое против человека, и ничто не избавит его от ожидающей его участи. Негры живут в постоянном страхе фетишей и дурных влияний, и ганги, дудо и другие категории жрецов пользуются этим суеверием, чтобы упрочить свою

власть.

Путешественники вернулись в свою хижину под тягостным впечатлением всего прошедшего перед их глазами.

— О чём вы думаете? — спросил Барте у Гиллуа.

— Я думаю, — ответил молодой человек, — о том, что не далее как одно столетие назад, даже Европа, столь гордая своей цивилизацией, сжигала заподозренных в колдовстве...

На другой день Рембоко дал большой праздник в честь белых, в котором после пения и плясок, продолжавшихся до заката солнца, велел убить пятьдесят невольников и отдал их на угощение толпе. Жители Эноге, несмотря на значительные перемены в нравах, остались людоедами, как все другие племена фанов.

Все перепились пальмовым вином, и Лаеннек со своими спутниками, вынужденные присутствовать возле короля на этом пиру, не смели, из опасения скомпрометировать себя, выказать отвращение, которое внушали им подобные поступки. При первой возможности они вернулись в свою хижину с твердым намерением оставить Эноге на другой же день; они не чувствовали себя в безопасности среди кровожадных людей, которых могла направить против них малейшая прихоть короля или главного жреца.

На другой день они с большим трудом добились от Рембоко позволения оставить его владения, и то только с условием вернуться скорее.

Король фанов дал им почетную стражу до страны ассиров, куда они пришли три дня спустя.

Как везде прибытие их возбудило величайшее удивление, потому что еще ни один белый не отваживался проникнуть в этот край. Несмотря на просьбы остаться несколько дней, они объявили, что проведут только одну ночь, потому что спешили добраться до цели своего путешествия.

По их соображениям, они находились только в пятидесяти милях от Габона, и сердце сильно билось в груди Барте и Гиллуа при мысли, что через неделю они смогут отдохнуть на французской земле. Там они найдут известия от родных, друзей, потому что Габон был местом их назначения; они также наверное узнают, что сделалось с Жилиасом и Тука, их двумя товарищами на „Осе“, так же как и с Ле Ноэлем, капитаном судна, торгующего неграми, которого они оставили блокируемым английским фрегатом у устья Рио-дас-Мортес. Все эти воспоминания, на которых иногда останавливались их мысли во время продолжительных странствований по Центральной Африке, возвращались к ним теперь; они клялись самим себе отомстить смелому флибустьеру, которому обязаны

были всеми своими страданиями... Тоска по цивилизованным странам давила их до такой степени, что они не видели, как горько было для Лаеннека горячее выражение их радости, и не всегда замечали, какой контраст составляли их излияния с печальным и задумчивым молчанием их проводника.

В тот вечер, однако, когда ассиры прекратили наконец пение, пляски и увеселения всякого рода, придуманные в честь белых, и путешественники могли, наконец, отдохнуть в одной из самых больших хижин деревни Акоонга, молодые люди, занявшиеся разговором о своем возвращении, отыскивали глазами Лаеннека, и, не найдя его, отправились по указанию Кунье на берега Рембо Ниуге, куда бывший моряк пошел погулять.

Они нашли его сидящим у реки; он рассеянно смотрел на воду, которая от лунных лучей походила на широкую серебряную ленту.

— Вы страдаете? - спросил Барте. - Зачем вы ушли в это уединенное место?

— Извините меня, господа, но часы печали и уныния неразлучны с той жизнью, которую я веду, и я не всегда имею силу противодействовать моим впечатлениям... Вы спрашиваете меня, страдаю ли я? Отвечу вам откровенно... это печально, не правда ли? Я страдаю от вашей радости.

— От нашей радости?

— Да, уже пять месяцев я так привык к вашему присутствию, что бывают минуты, когда я чувствую, что не способен более один вести ту лесную жизнь, которую прежде так любил...

Молодые люди были тронуты до слез.

— Любезный Лаеннек, - ответил Гиллуа, пожимая ему обе руки, - вы никогда не хотели серьезно поговорить с нами об этом, но настала минута сказать вам: мы положительно рассчитываем, что сначала вы поедете с нами в Габон, куда нас призывает наша служба, потом во Францию, где вас ожидает помилование, двадцать раз уже заслуженное вами!

— Не обманывайте себя пустой мечтой, - сказал бывший моряк более твердым голосом, - и будьте уверены, что я вам скажу мое последнее слово. Как ни тягостна для меня наша разлука, я вас оставлю по прибытии в Габон и вернусь в Конго. Вы знаете, я поклялся королю Гобби, а Лаеннек не изменяет своему слову. Пребывание во Франции не уменьшит сожалений о прошлом, а я давно уже потерял и привычку и любовь к цивилизованной жизни, чтобы снова разыгрывать ничтожную роль в чуждой мне среде. Может быть я обманываюсь, но мне кажется, что люди, родившиеся в моей среде в Европе, всю жизнь вынуждены трудиться, приносить себя в жертву для других, не совсем понимая общественные законы, которым они

покоряются; они умирают моряками, рыбаками или каменотесами, как родились, и кажутся мне нисколько не счастливее невольников, которых я заставляю работать для себя в Конго. Я знаю, что так должно быть, что не все моряки могут быть адмиралами, не все рыбаки судохозяевами, не все каменоломы адвокатами или префектами... Но для чего хотите вы, чтобы я опять занял место на таком жизненном пути, где, я это знаю заранее, я могу только маршировать и повиноваться?... Допустим, что приговор военного суда будет отменен, - я все-таки буду вынужден подчиняться общественным требованиям, к которым я потерял уважение, между тем как здесь я сам себе господин, и с карабином на плече, с беспредельным простором перед собою, пользуюсь воздухом, солнцем, свободой...

Барте и Гиллуа смотрели на Лаеннека с искренним изумлением; степной странник явился им совершенно в новом свете. Они не подозревали до какой степени жизнь в лесах и созерцание природы развили индивидуальность бывшего бретонского рыбака.

Задумчиво и с волнением вернулись они в свою хижину, не обменявшихся ни одним словом. Но несколько раз ночью, среди странных звуков, смешавшихся с однообразным журчанием реки, молодые люди слышали, как Лаеннек вздыхал...

ГЛАВА IV

Габон. - Прощание с Лаеннеком

Два дня пути привели путешественников на берега Огоуе, несколько выше озера Овенге. Они проплыли в пироге эту величественную реку, неизвестные источники которой, вероятно, сливаются с большими озерами, которые на северо-восточных склонах порождают Нил из своих недр, и очутились среди племен фанов и бакале, поселившихся на этих берегах.

Они немедленно приняли меры, чтобы добраться до Габона сухим путем, который молодые люди предпочитали поездке по реке, чтобы дольше остаться с Лаеннеком и проститься с ним, потому что не надеялись, чтобы он переменил свое намерение даже в виду французской земли.

Готовясь прибыть на место назначения, от которого были удалены такими странными приключениями, они начали заниматься этой интересной и малоизвестной страной, в которой обязанности службы могли удержать их несколько лет. Барте, который сделал из всеобщей географии свое любимое занятие, был рад отплатить Гиллуа за уроки ботаники и естественной истории, преподанные ему во время их продолжительных странствований.

Габон, по донесению лейтенанта Пижара, был в 1839 году большим центром торговли неграми, где не думала еще поселиться ни одна нация, несмотря на многочисленные выгоды его центрального положения, как пункта снабжения провиантом эскадр и торгового пути во внутренние земли.

В феврале месяце „Малучна“, шхуна под командой Буе, бросила там якорь, и договор, заключенный с Денисом, королем левого берега, дал Франции право основаться впоследствии, если она найдет нужным, на этом берегу, уже французском, по привычкам и знакомству с нашим языком.

Однако в 1840 году тот же офицер, пораженный значительной смертностью, обнаружившейся между белыми в невольничих факториях, расположенных с этой стороны Габона, вздумал выбрать лучшую позицию.

В 1842 году был заключен договор с королем Квабен на правом берегу для приобретения местности и права поселения, и скоро блокгауз, окруженный временными укреплениями, упрочил господство Франции в

этих местах.

Внутренний бассейн Габона, начинающийся у островов Кункей и Парро, суживается к востоку и, наконец, становится рекой шириной в одну милю. В этот бассейн впадает несколько притоков более или менее значительных: Коя и Воголей - на северном берегу, Комо - на восточном, Мафуга и Рамбо-Уе - на южном берегу. Эти пять притоков, судоходных на некотором расстоянии от своего устья, далее запружаются песчаными отмелями и суживаются до такой степени, что становятся непроходимыми даже для лодок.

Комо, текущий с востока, может быть судоходен очень далеко; это главная артерия бассейна, и берега ее гораздо более населены, чем другие.

Залив, или лучше сказать лиман Габона, обитаем исключительно неграми понго, племенем ленивым и хит-рым, сделавшимся посредником между торговлей европейской и внутренней.

Отвращение понго (или понгове, как говорят некоторые путешественники) к ручным работам, замечается в одинаковой степени у всех народов, живущих по берегам этой реки. Единственная причина, вызывающая их иногда из апатии, это желание достать продукты белых; для этого - одни занимаются маклерством, другие охотятся, и все трудятся некоторое время только для того, чтобы иметь возможность потом отдыхать и пить много алугу. Притом они презирают земледелие, оттого что страна удовлетворяет почти без труда их малейшим потребностям, а также и потому, что обработка земли предоставляется женщинам и невольникам.

Бананы, иньям, таро и маниок составляют их главную пищу; сюда зажиточные туземцы прибавляют сушеную рыбу, слоновое мясо, копченого кабана, которые привозят на прибрежье охотничьи племена внутренних земель.

Кочующие племена, до сих пор отдаленные от моря, почти одни ведут всю торговлю слоновой костью в Габоне через прибрежных жителей, от которых получают ружья, порох, ром и прочее. Таким образом, фаны предпочтительно обмениваются товарами с бакале, нравы которых схожи с их нравами.

Некоторые операции, правда, происходят помимо этого пути; например, разные деревни бакале остались еще верны своим древним обычаям, сами охотятся за слонами и прямо продают продукты, когда найдут случай. Но добраться до этих деревень очень затруднительно, да и столько посредников завистливо наблюдают за этим, что прямые сношения с европейскими факториями всегда производятся в ничтожных размерах.

В Габоне начинается и идет вдоль залива Гвинеи длинный берег,

называемый *Берегом Слоновой Кости* вследствие специальной торговли этим предметом.

Замечательно, однако, что сбыт слоновой кости становится все меньше. Не только в Габоне, но и на всем пространстве Берега Слоновой Кости фактории жалуются на то, что трудно стало получить этот предмет. Действительно, по мере того как охотничьи народы верхней страны знакомятся с белыми и привыкают к их продуктам, они умудряются доставать их как можно легче и находят, как понго, посредничество менее трудным и менее опасным, чем охота.

Отсюда постоянное стремление отдаленных племен приблизиться к берегам моря. Так, булу, прежде жившие в верхней части притока Комо и бывшие неустрасимыми охотниками, были отодвинуты к западу племенем бакале; бакале, в свою очередь, оттеснены фанами, прибывшими из внутренних земель.

Этой- то склонности охотничьих народов сделаться посредниками, торговля и обязана сокращением количества слоновой кости, а вовсе не убыли слонов, которые, напротив, до такой степени многочисленны, что в верхнем Габоне их убивают ежедневно среди деревни.

Пять или шесть народов, различных по названию и языку, живущие в Габоне, почти все имеют один и тот же физический облик; единственную разницу составляют более угловатые черты и менее темная кожа, по мере того как подвигаешься во внутренние земли.

Многоженство, грубое идолопоклонство, хитрость, ловкая алчность - вот главные черты всех этих племен. Энергия и наклонность к труду уменьшаются, и нечего думать этому помочь.

Женщина, как у всех черных племен в Африке и Океании, живет в постоянном унижении, и на ней лежит вся тягость семейных трудов.

Средним числом жителей можно считать по двести человек в каждой деревне, что дает на берегах реки Комо население в тысячу двести душ, а в остальных местах - в той же пропорции. Центрального правительства нет; в каждой деревне есть свой начальник, пользующийся деспотической властью в некоторых отношениях и довольно ограниченный в других, власть его передается по наследству; словом, сколько деревень - столько республик.

Племена Конго, соседи моря, были соединены общими интересами и умным управлением своих начальников, между прочим, старым королем Денисом, другом Франции. Булу соединены между собою гораздо менее, а бакале, хотя не воюют между собой, постоянно питают взаимное недоверие.

Самая сильная ненависть существует в деревнях, лежащих у границы между двумя народами; и любопытно то, что между тем, как эти деревни постоянно ссорятся, деревни, принадлежащие тем же племенам, но живущие несколько дальше, поддерживают мирные торговые сношения.

Промышленность этих народов, главное занятие которых составляет война и которые постоянно передвигаются, должна была обратиться на способы жить в известном месте и защищаться там. Напрасно станут искать у тех, которые не знают белых, утонченностей культуры, найденных у диких народов Океании и Нового Света. Все отзывается большой природной леностью и примитивностью кочевого быта.

Промышленность представлена исключительно необходимыми предметами обихода, как, например, грубые пироги, сети, циновки порядочной работы, и некоторое количество оружия, фабрикуемого фанами и бакале. Можно прибавить еще изготовление глиняных сосудов, очень обыкновенных, не требующих почти никаких особых стараний, если сообразить, что повсюду находится глина совершенно чистая, без примеси известковых частиц и быстро твердеющая на солнце.

Жители ничего не требуют у этой плодородной земли, но достаточно указать на естественные продукты, встречающиеся там и на аналогию с соседними землями, чтобы судить о результатах, каких может достигнуть культура.

Сахарный тростник растет сам по себе в большом количестве на берегах Комо, а табак обрабатывается внутренними племенами.

С другой стороны, легко установить близкую аналогию почвы Габона с почвой Принцевых островов, лежащих за сорок миль к западу, и доказать, что можно с такой же выгодой обрабатывать эту почву, если опыты над кофе и какао еще недостаточно доказали это. Разумная вырубка леса в частях, соседних к морю, сделала бы воздух здоровее, открыв большие пространства для культуры. Множество высоких плоскогорий требуют мало труда, чтобы сторицей возвратить посаженные семена.

— Пользуясь всеми наблюдениями, сделанными до сих пор в Габоне, — сказал Барте, кончив это изложение, составлявшее два дня главный предмет их разговоров, — можно бы превратить этот край в одну из богатейших колоний, но, к сожалению, это неосуществимо.

— Отчего же? — спросил Гиллуа.

— Европеец не привыкнет к климату и может про-быть там несколько лет, только постоянно принимая хинин, и считая себя еще счастливым, если дурной воздух не умертвит его в первые дни приезда.

— Пять месяцев усталостей и страданий в странах таких же

нездоровых как и Габон, не сделают ли этот климат сноснее для нас, чем для вновь приезжающих?

— Непременно, но не думаю, чтобы мы там долго остались.

— Почему же? Мы не больны, и как ни желали бы увидеть Францию после стольких испытаний, немедленно должны приступить к исполнению своих обязанностей.

— Да, если не были замещены... Места, которые мы должны были занять, не могли оставаться вакантными так долго, и признаюсь, что это предложение мне приятно. После стольких волнений я не прочь отдохнуть у родных, которых мое исчезновение должно было огорчить. Я думаю, что и вы также, любезный Гиллуа...

— Меня никто не ждет, меня не оплакивал никто, - печально перебил молодой человек. - Я один на свете!

— Теперь вы не один, - горячо возразил Барте, - не сделались ли вы мне так дороги, как брат? Вас примут все мои родные... Молодые люди горячо пожали друг другу руку: они вступили в дружеский союз, который будущее должно было сделать еще теснее...

В следующие дни маленький караван прошел ряд невысоких холмов, очень лесистых и населенных слонами. Во всех деревнях фанов и бакале путешественников встречали как нельзя лучше; их везде принимали за торговцев, пришедших выбрать лучшие места для своих факторий, и повсюду их упрашивали остаться.

Иметь факторию на своей земле - самое великое счастье, какого может добиться негритянская деревня. Это значит иметь всегда под рукой не только ружья, порох, зеркала, стеклянные изделия, но и „божественный адагу“, или негритянский ром, настоящий кумир во всей этой части Африки.

Холмы сменились низкими землями, перерезанными болотами, которые путешественники не могли пройти без проводника бакале. Но последний, вместо того, чтобы вести их к притоку Дамбо Уе, который в двадцать четыре часа привел бы их к лиману Габона, повел их в деревню Ганго, которой он был уроженец, и которая находится почти у источника Комо, на расстоянии четырех дней пути в лодке от Либревиля (главное место французских владений на правом берегу Габона), но они не подозревали этого обмана, который сильно раздосадовал бы их.

В ту минуту, когда они прибыли в Ганго, почти все жители деревни находились на берегу реки, где посредством железной цепи с крючком и приманкой захватили громадного крокодила, который уже несколько месяцев опустошал страну и до сих пор избегал всех расставляемых ему

засад. Он пожрал или искалечил такое количество женщин, детей и рыбаков, что никто не смел ходить за водой в ту часть Комо, где он жил.

Эта поимка была настоящим событием. Убитого крокодила разорвала толпа, оспаривая друг у друга его зубы, кусочки когтей, кожи и костей для талисмана против укуса ему подобных.

Выслушав обычную просьбу и ответив обычным же образом, то есть торжественным обещанием рекомендовать деревню всем прибрежным торговцам, которые захотят основать фактории, путешественники достали в Ганго большую пирогу для поездки в Либревиль.

Они проехали мимо больших деревень Пандангои, Дуия, Могюи, Нумбе и Домбия и бросили якорь через день у живописной деревеньки Кобогои. Ни в одной из тех, которые они проходили, не встречали они такого довольства и благосостояния. Хижины были построены правильными рядами в перпендикулярном направлении к реке, а длинная плантация банановых и кокосовых деревьев, простиравшаяся за каждым рядом домов и покрывавшая их тенью, кончалась на берегу реки. Пристань имела не более восьми метров в ширину, и так густо была окаймлена кустами, что только вблизи можно было заметить деревню, первые хижины которой почти омывала река.

— Здесь мы расстанемся, — сказал Лаеннек молодым людям, которых спас и чудесами смелости довел до места назначения. — В этой деревне начинается французская земля и я не могу сопутствовать вам далее.

Произнеся эти слова, Лаеннек не старался скрывать своего волнения, но он был тверд и решителен, и Барте, и Гиллуа поняли, что было бы бесполезно уговаривать его переменить намерение, и что он решился вернуться в верхний Конго.

— Завтра вы будете в Либревиле, — продолжал Лаеннек, — а мы вернемся в лес... Так все идет на свете, и постоянно надо топтать ногами свое сердце, чтобы повиноваться требованиям жизни...

Тут голос Лаеннека начал дрожать.

— Вот пальмовый лист для могилы бедной старушки в Плоаре, которая умерла, не увидевшись со мной... Вы сдержите ваше обещание, мне будет приятно думать об этом в пустыне... и, и... — он сделал усилие над собой и кончил, пролепетав, — вы мне позволите вас обнять, если думаете, что бывший дезертир достоин сохранять о вас теплое воспоминание!...

Молодые люди бросились к нему на шею, не будучи в состоянии произнести ни слова; они задыхались от волнения...

Вдруг Лаеннек быстро вырвался из их объятий, бросил карабин на

плечо и свистнул Уале.

— Прощайте, - сказал он обоим друзьям, - прощайте! Если когда-нибудь вы будете в Сан-Паоло-де-Лоандо, пришлите ко мне нарочного к Гобби, и честное слово бретонца, я приду к берегу, чтобы увидеться с вами!...

Быстрыми шагами пошел он по дороге, которая должна была привести его к берегу Огоуе. Кунье, Буана, Нияди, Иненга и мозиконджские воины последовали за своим начальником, призывая на белых друзей своих все благословения мокиссо. Проходя мимо, эти добрые люди отдавали им часть своих талисманов против лихорадки, укуса змей и опасных встреч.

Гиллуа и Барте принимали все это на память. Последний негр давно исчез в лесу, а они не могли еще отвлечь своих мыслей от тех, кто расстался с ними, и глаза их все смотрели в глубину леса.

— Какая внезапная разлука! - вдруг сказал Барте, вздохнув.

— Так лучше, - ответил Гиллуа, - этот железный человек, насмехающийся над людоедами, стихиями и лютыми зверями, чувствителен как ребенок. Он не умеет переносить горести сердца...

Вернувшись к своей лодке, друзья с удивлением приметили Йомби, который на берегу наблюдал, как переносили в лодку плоды и пресную воду.

— Ты зачем не пошел за Момту Самбу? - спросили они у него.

— Невольник следует за своим господином, - ответил добрый фан, - а Йомби невольник.

ГЛАВА V

Либревиль. - Возвращение во Францию

С невыразимым чувством грусти оба друга проехали Комо с гребцами бакале. Они постепенно проехали деревни Атекве, Гомия, Коло, Антобия, Фассоль, островки Шолиу, Нангье и Шика, два притока Комо Мага и Ачанго, наконец въехали в лиман Габона.

Через несколько часов прибыли они в Либревиль, где вид французского флага, развевавшегося над домом губернатора и на мачте вестового судна, стоявшего в гавани, доставил им большую радость после неприятных происшествий, закинувших их в центр Африки.

Было около одиннадцати часов утра, когда они вышли на пристань; огненное солнце палило берег, и ни на военном корабле, стоявшем на рейде, ни на берегу ни одна душа не отважилась подвергнуться зною. Все - губернатор, офицеры, администраторы, моряки и солдаты отдыхали после завтрака.

Барте и его друг немедленно отправились к губернатору, и он их тотчас принял.

Достаточно было сказать, что его спрашивают двое белых, прибывших из внутренних земель в самой жалкой одежде, чтобы габонский губернатор Сервен счел своим долгом тотчас осведомиться о их национальности и их потребностях.

Это был бравый моряк, обязанный своим чином только своим собственным заслугам, немножко резкий в обращении, но уважаемый и любимый всеми товарищами за чистосердечие и честность.

Он имел только один хорошо известный недостаток, очень, впрочем, извинительный, - терпеть не мог чле-нов колониального комиссариата, который называл писаками, хищниками, мастерами путать цифры и т. п. Его споры с этим корпусом, который он справедливо обвинял в разорении всех колоний, были известны во флоте и в различных поселениях, где он был начальником, и редко бывало, чтобы комиссар-распорядитель, находившийся под его начальством, не был отправлен к министру через три месяца по приезде.

Колониальный комиссариат, который не надо смешивать с

комиссариатом французского флота, имеет, как все административные корпусы, склонность совать нос во все ведомства, впутываться во всякую службу; главная цель его - уничтожать в колониях власть губернатора, который, засыпанный декретами, постановлениями, указами, становится всегда рабом своей администрации, как министры, горячо желающие реформ, становятся, через две недели по вступлении во власть, рабами своей канцелярии.

Сервен был единственный губернатор, не уставший от борьбы с бездействием, недоброжелательством или невежеством колониальных бюрократов, и он имел особенный способ кончать эту борьбу: немедленно отсылал обратно во Францию всякого администратора, который прятался за вечную стену уставов, чтобы не исполнить данного ему приказания.

Все эти господа были вынуждены приходить в назначенное время и работать. Он сажал комиссара под арест каждый раз, как не находил его в канцелярии в часы службы.

Бесполезно говорить, что его ненавидела вся администрация, и что его давно „спихнули” бы, как выражались эти господа, если бы у него не было хорошей опоры.

Никто в морском министерстве не смел его коснуться, потому что он был товарищем всех контри вице-адмиралов адмиралтейства, а они не позволили бы сделать ему ни малейшей неприятности. Когда он отсыпал комиссара, ему присыпали другого и больше ничего.

Не далее как неделю тому назад к нему прибыл новый начальник администрации Жильбер Пьер Крюшар, более известный под именем Жибе Пье Кюша, потому что он не в состоянии был произнести букву *r*, как и все антильские креолы.

Его нарочно выбрали за его классическое ничтожество, (в чем он, впрочем, мало отличался от других своих товарищей) в расчете, что он не станет вступать в ссору с губернатором. Он заменил знаменитого Тука, который остался на „Осе”, когда Гиллуа и Барте были выданы Гобби капитаном Ле Ноэлем. Надо сказать в похвалу ему, что он не имел еще ни малейшего несогласия со своим начальником.

Сервен был любезный и очаровательный человек, когда ему не приходилось ссориться с комиссаром, никто не имел характера приятнее и веселее. Главный штаб обожал его.

Таков был человек, к которому явились Барте и Гиллуа. Как только они назвали свое имя и чин, добрый губернатор протянул к ним обе руки и сказал:

— Как, это вы! Пять месяцев назад мне дали знать о вашем прибытии

и о двух других офицерах, а последний корабль привез мне известие о вашей смерти. Он же привез и других чиновников на ваши места.

Оба друга в нескольких словах рассказали ему о своих приключениях и страданиях, и о преданности дезертира, которому они были обязаны своим освобождением.

— Вы прошли всю Центральную Африку? - спросил губернатор, который не верил своим ушам.

— Так точно.

— А как называется тот человек, который освободил вас из плена негритянского короля и проводил сюда?

— Ив Лаеннек, - это бывший моряк, который бежал в Сан-Паоло-де-Лоандо, чтобы избегнуть осуждения на смерть.

— Лаеннек... Сан-Паоло-де-Лоандо, - сказал Сервен, как бы припоминая, - что же такое сделал он?

— Он поднял руку на офицера!

— Вспомнил, - сказал губернатор, ударив себя по лбу, - это я был командиром „Тизбы“, когда случилось это происшествие, мы стояли у португальской столицы Анголы... Зачем вы не привезли его сюда?... Я немедленно засадил бы его.

— О!...

— Позвольте, я послал бы его на понтон, который служит нам тюрьмой, и выпросил бы ему помилование со следующей же почтой.

— Мы употребляли все силы, чтобы уговорить его следовать за нами, но он предпочитает жить в зарослях.

— Это его дело... Но с вами-то что будет? Я не могу оставить вас здесь. Как я уже вам сказал, на ваши места назначены другие, и потому после столь продолжительного путешествия вы должны отдохнуть во Франции.

— Тем более, что нам нечего здесь делать.

— Именно! Судно, которое ходит между Сен-Луи, Гореей и Габоном, стоит на рейде, оно уходит завтра, я отошлю вас в Горею, а оттуда вас отправят с первым случаем в Бордо или Нант.

— Наша признательность...

— Хорошо, хорошо! Вам надо сейчас же отправиться к этому дур... Жибе Пье Кюша, - продолжал Сервен, закусив себе губы, - вы скажете ему, что были у меня, что я отправляю вас завтра, и попросите приготовить необходимые бумаги. Сделав это, воротитесь ко мне, я жду вас к завтраку; вы мне расскажете подробнее о ваших любопытных странствованиях.

Молодые люди немедленно отправились в канцелярию комиссара,

который принял их со всем достоинством, приличным его должности. Выслушав с величайшим вниманием рассказ Барте об их приключениях и о визите к губернатору - Гиллуа предоставил говорить своему товарищу - Жильбер Кюшар ответил тоном, исполненным административной самонадеянности:

— Все, что вы мне рассказываете очень интересно, но если вы даже действительно Барте и Гиллуа, мне до этого никакого дела нет. Ведь официально вы умерли и замещены, мне до вас нет никакого дела.

— Однако, - отважился сказать Барте, вне себя от удивления, - чиновники, замененные другими, имеют право вернуться на родину.

— Вы стало быть не понимаете, что я вам говорю, - вы официально умерли! Министерство уведомило нас об этом в своих последних депешах, а в таком случае, - прибавил Жибе Пье Кюша с улыбкой удовольствия, - никакая статья в уставе не дает мне права вас воскресить.

— Официально, - сказал Барте, начинавший терять терпение.

— Именно, и вы так умерли с административной точки зрения, что молодой человек, сопровождающий вас и который был...

— При жизни... - продолжал Барте.

— При жизни, - подтвердил Жибе Пье Кюша, - помощником комиссара избавляется вследствие своей смерти...

— Официально...

— Вы опять правы... избавляется от недельного ареста, к которому я присудил бы его за то, что он, высадившись на этот берег, не явился прямо ко мне, своему непосредственному начальнику.

— Итак, господин комиссар...

— Мне до вас нет никакого дела.

— Несмотря на приказания губернатора?

— Губернатор, несмотря на свою власть, никогда не заставит меня поступить против устава.

— Разве устав предусматривает случай, подобный нашему?

— Нет.

— Но если так, господин комиссар, если устав ничего не предусматривает в этом отношении, он значит и не запрещает ничего, и вы можете тем более принять решение, что оно уже одобрено начальником колонии.

— Милостивый государь, в администрации мы часто поступаем вопреки уставу, все зависит от ловкости и соображения, но когда устав молчит, мы также молчим.

— Стало быть, если бы устав предусмотрел такой случай, запретив,

например, возвращать на родину воскресших, наше положение было бы лучше?

— Конечно. Вы существовали бы, вы были бы чемнибудь с административной точки зрения. Я отправил бы вас к министру.

— А если бы устав это запрещал?

— Вас можно было бы послать с поручением.

— А если и это...

— Эх! Довольно, милостивый государь, я здесь не затем, чтобы давать вам уроки административного права. Аудиенция, на которую я вас допустил, кончена.

Не говоря более ни слова, Гиллуа и Барте поклонились и вышли; несмотря на досаду, которая возбуждала в них это положение, ибо они не знали, чем кончится это дело, они не могли удержаться от смеха, возвращаясь к губернатору.

Узнав о происшедшем, Сервен страшно рассердился и немедленно призвал к себе комиссара.

— Итак, - сказал он ему, - вы отказываетесь сделать все, что нужно для того, чтобы отослать во Фран-цию этих молодых людей, которые прибыли к нам после пятимесячных страданий?

— Да, отказываюсь.

— Даже если я пришлю вам письменное предписание?

— Даже и тогда.

— И только потому, что вы считаете их умершими?

— Официально, да, а устав, к моему величайшему сожалению, не дает мне право исполнить ваше требование... Может быть их можно было бы отправить, как туземцев.

— Довольно, - перебил губернатор, который едва удерживал себя, чтобы не разразиться страшным гневом. - Габон колония слишком маленькая для вашего обширного ума. „Аспид“ уходит завтра, вам остается двадцать четыре часа, для того чтобы собраться, отсылаю вас к министру, который сумеет найти для вас поприще, более достойное вашего просвещенного ума.

— Очень хорошо, кому я должен передать мою обязанность? - ответил Жибе Пье Кюша, рассчитывавший, что губернатор найдет сопротивление в каждом из его подчиненных.

— Никому из ваших, милостивый государь. Назначаю капитана де Серьера времененным комиссаром.

Так кончилось это дело об „официально умерших“, над которым долго смеялись на африканском берегу.

Временный комиссар подготовил вечером необходимые бумаги, и „Аспид" в назначенный час снялся с якоря с тремя пассажирами.

На другой день „Аспид" прошел мимо Фернандо По - острова, очень плодородного, из которого Испания, однако, ничего не умеет извлекать.

Командир „Аспида" не остановился тут. Он прошел также Старый Калабар, берег Ашанти, и бросил якорь, через десять дней после отплытия из Габона, у Большого Бассама, французской фактории, которую адмирал де Лангль занял несколько времени тому назад от имени Франции, и которую потом бросили ввиду ее бесполезности.

Оставшись тут несколько часов, чтобы обменяться депешами, „Аспид" прямо направился к Горее.

Там путешественникам посчастливилось найти судно, пришедшее за маслом в Дакор и отправлявшееся в Нант; с согласия начальника маленькой колонии, они пересели на другое судно, и спустя двадцать шесть дней, Барте и Гиллуа с понятным волнением приветствовали дорогие берега отчизны, которую оставили семь месяцев тому назад и не имели надежды когда-нибудь увидеть...

Высадившись в Сен-Мизере, они на скромом поезде уехали в Париж.

ЭПИЛОГ

Два друга, в сопровождении Йомби, приехали в пять часов утра на станцию Сен-Лазар. Они немедленно расстались, потому что Барте спешил увидеть своих родных. У Гиллуа был только один старый дядя, эгоист и скряга, который ничего не хотел сделать для него после смерти отца, хотя имел большое состояние; поэтому Гиллуа решил было остановиться в гостинице, но через несколько минут передумал и поехал к дяде. Расставаясь, молодые люди условились в десять часов встретиться в кофейне Гельдер, обычном месте собрания всех приезжих офицеров. Уверенные, что встретят там товарищей, они захотели, прежде чем явиться в морское министерство, узнать, какое впечатление произвели их приключения и известие об их смерти. Им хотелось также узнать об участии Тука и Жилиаса, их товарищей по несчастью. В назначенный час они встретились на бульваре в нескольких шагах от кофейни, знаменитой в летописях армии и флота, и крепко пожали друг другу руки, точно не видались несколько дней.

— Ну, что? - спросил Гиллуа взволнованным голосом.

— Ах, любезный друг, - ответил Барте со слезами на глазах, - я приехал вовремя: мой старый отец и моя мать умирали от горя... Говорят иногда, что великкая радость убивает, но мое появление вернуло их к жизни, а моя молоденькая сестра, очаровательная Маргерита, я думал сойдет с ума от радости. Я забыл уже все мои лишения, все страдания. Когда я переступил порог родительского дома, воспоминания хлынули к сердцу, я был так взволнован, что не мог сделать и шагу.. Потом вдруг, не знаю каким образом, забыв всякую осторожность, я бросился как сумасшедший в дом, крича: „Я здесь! Я не умер! Я здесь... " Ко мне вышла моя мать, и я без чувств упал к ее ногам. Когда я опомнился, отец прижал меня к сердцу, как ребенка... все трое стояли около меня, и мы плакали... Ах! Гиллуа, я задыхаюсь от счастья. Я еще не оправился, говорю вам только о себе и забыл спросить вас, как вы были приняты.

— Я приехал поздно, - ответил молодой человек серьезным голосом.

— Ваш дядя...

— Умер шесть недель тому назад, оставив мне все свое состояние, около двадцати пяти тысяч франков годового дохода.

— Перед смертью он понял свою вину перед вами?

— Нет! Он умер в ту самую минуту, когда нотариус, которого он

пригласил, чтобы лишить меня наследства в пользу своей кухарки, подавал ему перо для подписи. Завещание осталось не подписанным, и я получил наследство, не по воле моего дяди, а по закону.

— Это, друг мой, для вас целое состояние.

— И возможность вернуться путешествовать по Центральной Африке, которая так прельщала нас.

— Вы еще думаете об этом?

— Да, и самое горячее мое желание...

— Иметь меня спутником... Я угадал!

Они входили в эту минуту в кофейню Гельдер. Было еще рано, и не видно было ни одного знакомого лица. Кроме пяти или шести отставных офицеров, которые имели привычку наслаждаться приятностями безика с девятыи часов утра до одиннадцати часов вечера, кофейня была почти пуста.

Они сели у стола. Вдруг Гиллуа, машинально взявший газету, вскрикнул.

— Что с вами? - спросил Барте.

— Прочтите, - ответил его друг, указывая пальцем на столбец, в заголовке которого находились слова:

„Доклад Тука, помощника комиссара, и Жилиаса, хирурга второго разряда, его превосходительству морскому министру".

Оба друга весело расхохотались.

— Вот, наконец, знаменитый доклад, которым Тука постоянно угрожал капитану „Осы". Мы узнаем, каким образом наши товарищи ухитрились оставить „Осу" и что сделалось с капитаном Ле Ноэлем.

Началось чтение, прерываемое каждый раз взрывами смеха, от которого молодые люди не могли воздержаться.

Тука и Жилиас, рассказав первую часть своего путешествия на „Осе", дошли до той минуты, когда капитан Ле Ноэль, преследуемый английским фрегатом, был вынужден обнаружить свое звание капитана судна, торгующего неграми [3]. Тука и Жилиас, не говоря о своих молодых товарищах Гиллуа и Барте, с этой минуты приняли на себя роль героев. По их словам, они бросились в пороховую камеру с зажженным факелом в руке, чтобы взорвать, пренебрегая своей жизнью, это логово разбойников. Тогда вся команда бросилась на них, их заковали в кандалы и засадили в тюрьму.

Тут молодые люди вынуждены были остановиться, чтобы дать волю своей веселости, они буквально задыхались.

— Я вам говорил, - сказал Барте своему другу, - что эти молодцы сумеют показать себя!

Они продолжали.

Рассказ о прибытии „Осы“ в лиман Рио-дас-Мортес был еще интереснее. Тука и его Пилад рассказывали, что, сломав свои кандалы, они пытались овладеть судном, и после осады, продолжавшейся двадцать четыре часа, в каюте, где они заперлись, они были вынуждены голодом сдаться, но их энергичное поведение доставило им военные почести.

Далее молодые люди не нашли уже повода к смеху.

Жилиас и Тука горько жаловались на поведение Барте и Гиллуа, и обвиняли их в том, что они воспользовались первым случаем, чтобы бежать на берег Бенгуэлы, и бросили своих начальников на произвол пиратов „Осы“... Но им не посчастливилось, потому что они были убиты неграми по выходе на берег.

— Какая гадость! - сказал Гиллуа.

— Если они нас вынуждают, - прибавил Барте, - мы обнаружим истину.

Знаменитый доклад кончился самым фантастическим рассказом. Тука и Жилиас, прибывшие на „Осе“ к бразильскому берегу, на другой день взорвали судно, воспользовавшись пьяной оргией экипажа. Избавившись от смерти чудом, они добрались до берега на обломке, а оттуда вернулись во Францию, довольные тем, что уничтожили логовище бандитов.

Жилиас Кастор, разумеется, восхвалял героизм Тука Поллукса, а последний, в свою очередь, превозносил высокие подвиги своего друга.

Затем следовал декрет, награждавший их орденом, и назначавший их с повышением в важную колонию.

Газета была уже старая, и оба друга недоумевали, почему она находилась еще в кофейне для чтения, но когда заметили, что она пришла к номеру *Нью-Йоркского Вестника* от вчерашнего числа, они все поняли.

В американской газете помещен был в двадцати строках ответ капитана Ле Ноэля на доклад Жилиаса и Тука, и Барте тотчас перевел этот ответ своему другу.

„Сплошная ложь, что господа Тука и Жилиас вели себя на моем судне так, как они описывают. Они сражались только за столом, и в четыре месяца выпили запас моего вина, сделанный на два года. Отказавшись от торговли неграми, я сам взорвал мое судно, продав последний груз, и эти господа тем более должны знать это, что получили часть суммы от продажи негров за услуги, которые оказали мне. Я не дал бы себе труда опровергать похвалы, которыми они взаимно осыпают друг друга, если бы они не вздумали оклеветать господ Барте и Гиллуа. Энергический и решительный характер этих молодых людей так был опасен для моего

судна, что я принужден был освободиться от них и выдать их в неволю моему обычному поставщику, королю Гобби в Верхнем Конго... Торговец неграми умеет также ценить мужественных людей.

Ноэль, бывший капитан „Осы“.

Когда Барте и Гиллуа явились в морское министерство, их принял помощник директора департамента и сделал им упрек в нарушении всех правил дисциплины, - как, дескать они позволяют себе оставаться в живых, несмотря на доклад своих начальников об их смерти.

Молодые люди переглянулись, улыбаясь, и не знали, как себя держать.

Но бюрократ не щутил и уверял их, что пожалуй будет организовано следствие для разъяснения, каким образом они могли еще оставаться в живых, когда их убили негры, а также выявить, по каким причинам они бросили своих товарищей в минуту опасности.

Он, однако, внимательно выслушал рассказ Барте и Гиллуа об их приключениях, но время от времени качал головой, пожимал плечами и, наконец, сказал:

— Все это очень интересно, но положительно не значит ничего... Вы ведь говорите истинную правду?

— О, конечно...

— Но против вас правда официальная, правда административная, и этим сказано все.

— Как! Истинная правда, как вы ее называете...

— Не имеет отношения к делу. Она нам, впрочем, и не нужна, это было бы против дисциплины... Истинная правда может не всегда быть на стороне начальства, между тем как правда официальная... о! В ней мы уверены, ведь, мы сами ее создаем... Послушайте, - продолжал бюрократ самодовольно, - ваша наивность трогает меня, и я, пожалуй, для пользы вашего будущего, скажу вам: величие, силу и прочность французской администрации составляет то, что все ее члены знают только официальную правду, а официальная правда - это воля начальства. Мы орудие правительства. Короли, министры исчезают, а канцелярии остаются. Вернитесь, господа, в свои семейства и ждите там приказаний министра.

— Ну, - сказал Барте своему товарищу, уходя, - чувствуете вы себя способным служить официальной правде?

— Нет, - ответил Гиллуа, - и думаю, что моя административная карьера кончена. Но надо признаться, что все это очень печально... Эти люди могут навлечь когда-нибудь на Францию самые ужасные бедствия.

В тот же день молодые люди подали в отставку.

— Мы свободны, любезный Гиллуа, - сказал Барте, - пойдем же, мои

родные с нетерпением желают видеть того, о ком я им говорил, как о брате... Но что с вами? Вы задумались.

— Я думаю о Лаеннеке, о больших реках, о бесконечных горизонтах Центральной Африки... Я тоскую по девственному лесу...

OCR SpellCheck: Ustas PocketLib

Исходный электронный текст:

<http://www.pocketlib.ru/>

Частная библиотека приключений

Основано на издании:

ББК 84. 4 Фр.

Ж23

Г73(03)-93

© Издательство «Logos».

Составление, 1993 © В. Корнилов. Художественное оформление, 1993

© А. Миронов.

Иллюстрации, 1993

ISBN 5-87288-044-8

Берег черного дерева: Сборник романов: Пер. с франц. - СПб.:
Издательство «Logos», 1993. - 592с.: ил. (Б-ка П.П.Сойкина)

[\[1\]](#) См. роман "Берег черного дерева".

[\[2\]](#) Пиво древних галлов.

[\[3\]](#) См. роман "Берег черного дерева".

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)